

An artistic illustration of a young man and woman standing back-to-back in a sports arena. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a dark suit over a light shirt and tie. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a light-colored jacket. They are both looking off to the side with serious expressions. The background shows a large arena with a basketball hoop and a banner that reads 'RILEY 23'. The lighting is dramatic, with purple and blue tones.

ЧЕМПИОН

КЭТ ЛАНС

СПОРТИВНЫЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэт Ланс

Чемпион

<https://litres.ru/73962009>

SelfPub; 2026

Аннотация

СПОРТИВНЫЙ ROMANCE 18+

enemies to lovers

хоккей + фигурное катание

напряжение, химия и вторая попытка

Кейт Танон терпеть не может хоккей. Год назад её карьере профессиональной фигуристки пришёл конец. После скандального инцидента она решает начать новую жизнь в роли студентки за тысячи миль от родного дома. Но даже здесь ненавистный спорт настигает её.

Невыносимый Майк Райли — тренер университетской команды, волей судеб ниспослан окончательно испортить ей жизнь. Он ужасен ровно в той же степени, что и профессионально талантлив.

Взаимная неприязнь становится настоящим испытанием, когда по иронии судьбы эти двое вынуждены работать вместе, но вдруг их партнёрство окажется началом чего-то большего.

Современная зимняя сказка о любви, борьбе с собой и второй попытке там, где, казалось бы, шансов не осталось.

Содержание

Введение:	4
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	62
Глава 6	82
Глава 7	96
Глава 8	116
Глава 9	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Кэт Ланс

Чемпион

Введение:

Вдалеке трибуны неистово ликуют, но мне не в новинку сидеть и ждать выхода на лёд. Расположившись на скамейке в узком тёмном коридоре ледовой арены, я легко абстрагируюсь от любого постороннего шума, но всё равно чувствую вибрацию тысяч голосов. Она проходит по напряжённому телу волнами, заставляя ощущать бесконечную энергию толпы. Я нервничаю — никогда так не переживала, а в этот раз буквально трясёт. Всё потому, что происходящее кажется едва ли возможным, скорее невероятным.

Запрокидываю голову и, прикрыв веки, полностью выдыхаю скопившийся внутри страх, тугим узлом свернувшийся в груди. Ладони потеют, меня бросает то в жар, то в холод, и я даже не замечаю, как выстукиваю чечётку одной ногой.

Возглас кого-то из организаторов выводит из оцепенения. Резко встаю, когда слышу приближающиеся шаги восемнадцати моих парней. Команда в полной амуниции готова к выходу на хоккейную площадку. Уверена, никто не признается, но каждый ощущает внутренний диссонанс и неуверенность.

Почему? Мы же так усердно готовились...

За моей спиной — бугай под два метра с каменными лицами, в ярких бело-зелёных тонах «Мичиган Стейт», одного из самых старинных университетов страны. Пока ещё студенты, и сегодня их звёздный час. Только не я должна провожать команду на лёд. Это не моё право — представлять «Мичиганских Спартанцев» в «Замороженной четвёрке», одном из самых важных турниров плей-офф.

Чувствую себя неуместно и, со стороны, скорее всего, смотрюсь нелепо. Высоченные парни — ещё и на коньках — просто до неприличия массивные, и я на их фоне кажусь меньше, чем есть на самом деле. На мне куртка университета и моя фамилия Танон, но это единственное, что когда-либо связывало нас с хоккеем. Разве что лёд.

Меня колотит, но виду не подаю, уверенно двигаясь к яркому ослепительному свету впереди. Мы справимся — с ним или без него, но осилим. Майк Райли далеко, но скоро будет рядом. Я от всего сердца верю. Он главный тренер, блестящий наставник, а с недавних пор — моя недосыгаемая мечта. Я тут из-за него и ради всех них. Казалось бы, как такое возможно, но мой пульс учащается, когда делаю шаг на свет, и пространство вокруг взрывается гомоном болельщиков...

Глава 1

Кейт:

— Есть вопросы по расстановке позиций на квартальном отчётном спектакле? Может, кого-то не устраивает его персонаж? Все получили сценарий...?

Я сижу в кольце нашего арт-круга и слушаю пустой трёп сквозь полудрёму с лицом человека, смирившегося со скорым повешением. Наша наставница по актёрскому мастерству мисс Дуол на первом занятии в семестре рассказала о планах на грядущий учебный год, и, судя по возмущённому шёпоту большинства, многие недовольны.

Напротив, сидит Меллани. Платиновая блондинка с кукольной внешностью и характером последней суки театрально всхлипывает, размахивая руками. Ей выпала честь играть младшую сестру в танцевальной пьесе. Не самая яркая роль, зато одна из глубоких, но той, похоже, это не понять.

Мне, в отличие от остальных, всё равно.

В первый же учебный день почему-то внутри уже никакого предвкушения. Может, всему виной пасмурная погода. Осень едва ли вступила в права, но столь резкий контраст со знойным августом заставляет хандрить. Хотя, если быть честной, такое настроение у меня уже давно. Всепоглощающая депрессия пожирает нутро словно чума, безжалостно высасывая любые краски из окружающего мира.

Наплевав на всех и вся, вяло поднимаюсь из-за парты и, подхватив сумку, первой выхожу из аудитории. Если честно, я даже не посмотрела, какую позицию выделили мне.

Самое начало третьего курса, пар мало, и чаще всего они проходят в формате бесед. В очередной раз хореографическое отделение разочаровывает, но это не повод бросать. Не для меня. Я же Кейт Танон и ни за что не отступлюсь.

Когда год назад пришлось сделать выбор в пользу данного направления, мне удалось отнестись к переменам философски. Да, моя жизнь полностью разрушена и долгие годы профессиональной карьеры в спорте — коту под хвост, но я сильная и потому справлюсь. На тот момент я ни о чём не жалела, не стану и сейчас. Считаю, правильно поступила.

От воспоминаний годичной давности, когда отовсюду судачили о громкой трагедии для всей спортивной ассоциации, на душе впервые вспыхивают яркие зачатки эмоций. Злорадство, граничащее с нездоровым удовольствием.

Ублюдки заслужили мой гнев и испытали его сполна.

На улице пасмурно. Серое небо затянуто тяжёлыми свинцовыми тучами, резкие порывы ветра беспощадно хлещут по щекам. Моросит отвратительно мелкий дождь, и большинство студентов прячется под крышей главного корпуса.

Никто не ожидал такой пакостной погоды, и потому многие не подготовились. Те, кто посмелее, вроде меня, предпочитают не ждать. Наброшенный на голову капюшон чёрной безразмерной толстовки позволяет целиком скрыться

под ним, почти утонуть. Одежда стремительно тяжелеет, но я не спешу, как другие, а разрешаю себе полностью вымокнуть, пока иду до общежития.

Отрешённо поднимаюсь по величественно-монолитной лестнице одного из самых больших кампусов, и правое колено всю дорогу невыносимо ноет, не переставая напоминать о старых травмах. Я живу на самом верхнем этаже, можно сказать мансардном, и делю комнату с соседкой. Всё лето она отсутствовала, и я успела привыкнуть к блаженному одиночеству. Честно говоря, не хочется ничего менять, потому надеюсь, что та не будет торопиться назад. Но нет...

— Да чтоб вас.

Досадно скулю, останавливаясь у нашей двери. Она уже чем-то обклеена и измазана — сразу видно, здесь живёт студентка художественного отделения. Прикрываю глаза из-за непонятого выматывающего раздражения и только потом захожу.

— Сюрприз! — неожиданно звонко вопит маленький дьяволёнок, подбрасывая в воздух какую-то разноцветную мишуру.

— Господи, — устало выдыхаю, обречённо потирая переносицу, и иду мимо неё к своему углу.

К счастью, Хитон трудно смутить или обидеть. Она продолжает лучиться весельем, несмотря на моё упадническое настроение и не самый тёплый приём. Словом, как и Эрик, мой лучший друг детства, который громко и заразительно

смеётся, развалившись на её кровати, ведь оттуда удобнее наблюдать за разворачивающимся представлением.

Миниатюрная брюнетка с каре всегда напоминала мне эльфа. Удивительно, но она даже ниже меня, а таких людей я встречаю действительно редко. Жизнерадостная, нежная красотка — полная моя противоположность. Вся её одежда экспрессивная и яркая, она красится, экстравагантно вырисовывая на лице произведения искусства, и вся её жизнь наполнена событиями. Я же будто тень, потому что не привыкла выделяться. За нас всегда говорило мастерство.

Мои прямые тёмно-русые волосы за прошедший год успели хорошенько отрасти. Раньше приходилось подстригаться короче, но теперь в этом нет необходимости. В отличие от основной массы своих сверстниц, я не наношу косметику от слова «совсем»: не умею пользоваться. На отчётных концертах и соревнованиях спортсменок гримируют специально нанятые стилисты. По привычке одеваюсь во всё спортивное и удобное. В итоге единственное, что выделяло и продолжает выделять меня из серой толпы, — это ярко-голубые глаза, похожие на кристаллики льда. Ещё одно неотъемлемое наследие отца.

— Говорил же, она будет не в восторге, — шутит парень и бросает в меня одну из множества подушек Хитон.

Ловлю снаряд на лету и незамедлительно отправляю в обратный путь, не в силах скрыть кривой ухмылки.

Рада их видеть.

— Да, всем же известно, как я люблю сюрпризы.

— Малышка, именно поэтому тебя и окружают столь креативные люди. Мы дополняем друг друга ради достижения баланса во вселенной.

Непроизвольно фыркаю и кривлюсь для виду, что провоцирует новый приступ смеха.

Они слишком милые.

Разбирая сумку, боковым зрением поглядываю на голубков. Эрик что-то явно неприличное шепчет девчонке на ухо, мешая разбирать чемодан. Она покрывается густым румянцем и строго хмурится. Эти двое встречаются с прошлого сентября, когда мы все поступили в Мичиганский государственный университет. Хитон — на художественное отделение, а мой приятель — на правовое.

Парень не промах, такой же яркий и искрящийся. В том году мы нарадоваться не могли тому, что будем учиться вместе. Он единственный близкий мне человек, оставшийся из прошлой жизни. Сын известной телеведущей с CNN и баскетболиста клуба «Лейкерс». Высокий, жизнерадостный, вечно улыбающийся паренёк с тёмно-карамельной кожей. Мы росли по соседству.

Помню его с шести лет, когда впервые увидела незнакомого долговязого мальчишку на нашей подъездной дорожке, который плакал из-за того, что мяч залетел на крышу чужого дома. Я возвращалась с тренировки и не увидела трудностей в возникшей ситуации. Не дожидаясь взрослых, само-

стоятельно забралась по водостоку и вернула пропажу. Мать потом на меня целый час орала, в красках расписав, что произошло бы, сорвись я. Зато мы с ним подружились, и с того дня все его проблемы стали моими. Он мне как младший брат. Много воды утекло с тех пор, но Эрик всегда рядом, и я забочусь о нём.

— Кстати, какого чёрта ты не написал, что поздно вернёшься? Между прочим, существуют люди, которые волнуются, неблагоприятное создание. Целое лето молчали.

— О, посмотрите на неё. Это что, забота?

Ехидничает или вернее кокетничает, гадёныш, поудобнее устраиваясь на боку. Как бы не так — никогда ему не добиться признания, хотя кое-кто, может быть, и прав.

— Хей, она любит нас, поэтому прекрати, — влезает в разговор моя соседка, шлёпая того по руке, за что получает в ответ гримасу.

— Прости, мамочка, я был весь в делах и заботах. Два месяца провёл дома, а целый август мы с Хитон путешествовали по побережью, и не везде была связь.

— Какая прелесть, — бесцветно комментирую, начиная собираться, но уже на работу.

Поверить не могу, что у них всё серьёзно. Неужели за какой-то год можно настолько с кем-то сблизиться и при этом не успеть надоесть? Мои отношения обычно не длились дольше месяца, но, если быть честной, это никогда и не являлось целью — лишь сопутствующим фактором. Когда

ты вечно на сборах, сложно с кем-то нормально встречаться. Профессиональный спорт воспитал меня и сделал той, кто я есть, — целеустремлённой и упёртой до фанатизма.

Большую часть жизни я провела на коньках. Начала с оди-ночного фигурного катания, где стала чемпионкой мира к тринадцати и призёром Олимпийских игр. Я жила турнира-ми, пока не произошёл несчастный случай, изменивший всё. Неудачное приземление при выполнении одного из сложней-ших элементов — и моё несчастное, и без того травмирован-ное колено раздробилось.

Тогда это казалось концом жизни. Сложнейшая операция и инвалидная коляска на полгода. Таблоиды пророчили за-кат карьеры и советовали забыть о спорте, но я не согласи-лась с ними. Уже через четыре месяца я снова встала на лёд вопреки всему — ведь у меня появилась цель. Тем не менее разрыв сухожилий не позволил быстро восстановить преж-нюю форму. В результате наставники решили поставить на мне крест. «Уже полностью не восстановится», — только и слышала от них. Поэтому я плюнула и ушла, пообещав себе, что докажу обратное.

Моим спасением стал шорт-трек. Начинать с нуля бы-ло невероятно тяжело, к тому же во взрослом возрасте, но я снова прорвалась. Признание общественности, Мировой тур, пачка золотых медалей. Я буквально летала на льду, од-нако в скором времени возникли трудности из-за анатомиче-ских особенностей: я оказалась слишком маленькой для про-

фессионалов и слишком шустрой для любителей. Вот почему, когда ко мне пришли из национальной ассоциации спорта по парному фигурному катанию, я сразу согласилась на все условия.

Семь лет пролетели как один день. Я вновь была на коне, пока меня не предали. Антоан — мой партнёр и на тот момент любовь всей жизни — и лучшая подруга, с которой мы все эти годы делились самым сокровенным. Они меня обманули, сломали, почти уничтожили.

За что и поплатились.

Светловолосый и статный Антоан Дробс — звезда в школе олимпийского резерва. Он покориł моё сердце, и наша пара удивительно слаженно работала. Три года подряд мы занимали первые места везде, абсолютно везде, и мне казалось, что рядом с ним я счастлива. Моё сердце пело, и после пережитого разочарования на горизонте впервые замаячило будущее — с кем-то и необязательно в спорте.

А потом...

«На льду, если хочешь добиться высот и стать лучшей, необходимо перестать себя жалеть и начать работать на износ!» — так вот что говорил мой тренер в начальной школе, и я внимательно слушала. Не испытывая страха, я шла будто таран к своей цели.

Самое ужасное в карьере любого профессионала — это начать бояться. Ты вечно получаешь какие-то травмы — без падений никуда, но как только в голову закрадывается

мысль, что в этот раз будет слишком больно или страшно, ты проигрываешь. Все ограничения существуют исключительно у нас в голове. По сути, мы создаём их сами. Так вот, в моей их нет, из-за чего всё моё тело пережило несметное количество переломов и ушибов. Не найти такого места, каким бы я ни ударялась.

За полное, а иной раз безрассудное бесстрашие некоторые сокомандники называли меня сумасшедшей и даже ненавидели. Конкуренция закономерна в наших кругах. Подобная сила воли раздражает. Хана Лорк оказалась одной из завистниц под личиной друга.

Выяснилось, что стерва спала за моей спиной с Антоаном, а лживый ублюдок был только рад. Не знаю, сколько продлилась их интрижка, но они решили избавиться от помехи. После двадцати у фигуристов карьера идёт на снижение: если до этого времени не успеваешь добиться успеха, то всё — потолок уже не пробить. Немногим удаётся долго продержаться на льду. И в один прекрасный день, после неудачной поддержки, прямо перед квалификационным отбором партнёр «случайно» роняет меня.

Я проплакала в отчаянии, наверное, неделю, потому что отчётливо понимала: мне конец.

Сложный перелом плеча и лучевой кости в двух местах и, в довершение, смещение сустава. Проснуться на больничной койке, в аппарате Илизарова, без шанса пошевелиться ближайшие несколько месяцев, было больно, но добило ме-

ня другое. Одномоментно двое моих самых близких когда-то людей встали в пару и победили в отборе.

Узнав обо всём, я впала в бешенство. Вовсе не из-за того, что они раз и навсегда лишили меня возможности побеждать, а потому, что предали.

Приползти на выступление оказалось труднее всего — они прошли в полуфинал. Никогда не забуду, как смотрела на их счастливые, влюблённые лица, а внутри меня полыхал ад. Плохо помню, что происходило дальше: красная пелена заволокла сознание. Лишь потом, уже по камерам в полицейском участке, мне показали.

Я застала этих двоих в общей душевой, трахающихся, как кролики, и, взяв первое, что попало под руку (чем оказалась клюшка, забытая каким-то незадачливым хоккеистом), избила их до полусмерти. Поломала и руки, и ноги. Они почти не сопротивлялись, испуганные от неожиданности.

Итогом стал скандал и проигрыш нашей школы резерва на чемпионате. На меня завели дело за нанесение тяжкого вреда здоровью группе лиц. Если бы не старшая сестра-юрист, думаю, посадили бы, но она вывернула всё так, что я отделалась условным сроком и шестью месяцами общественных работ. Спортивная ассоциация была в бешенстве и потому объявила о пожизненной дисквалификации. Выход на лёд как спортсмену мне закрыт навсегда, и от позора уже не отмыться.

Но я ни о чём не жалею, ни капли. Многие думают, что по-

сле окончания спортивной карьеры у профессионалов больше нет жизни: если ты дышишь любимым делом, то умрёшь без него. Но нет. Ненавижу подобные инфантильные высказывания. Спорт — это работа, такая же, как и любая другая. Он научил ставить перед собой цели и идти к ним, просто теперь вектор слегка сместился. Перемены стали своего рода ещё одним вызовом, проверкой на прочность. Научусь ли жить как все?

Благодаря старым заслугам я даже могла выбирать, потому первым делом решила уехать как можно дальше от дома, чтобы уже в Мичигане получить профессию. Меня взяли сразу на второй курс хореографического отделения. Ректор был так рад, что чуть не обкончался от счастья, когда узнал, чья дочь будет учиться у него. И вот появилась новая задача: закончить их убогий курс. Отныне гонка за медали превратилась в настоящую борьбу другого рода.

Периодически я скучаю по былому.

Хитон капризно хнычет, вырывая меня из задумчивости: — Кейт, хоть ты вразуми его. У меня нет сил больше, — порывисто вскакивает на ноги и уходит на нашу общую кухню шуметь посудой.

Порой она бывает чересчур эмоциональна. Привыкнуть к подобным причудам оказалось легко, но это не значит, что не нужно прислушиваться. Особенно в редких моментах, которые касаются Эрика.

Парень виновато поджимает губы, с упреком уставившись

на неё.

— У меня нет времени на выяснения отношений, я спешу на работу. Что ты натворил? — прямо спрашиваю, строго взирая исподлобья, и на ходу обуваю свои любимые грубые армейские ботинки.

— Не скажу я, — недовольно упрямится, вызывая больше подозрений.

— Он что-то задумал и не хочет рассказывать, как ни уговаривай. Осёл! Где-то пропадает вечерами и не делится со мной. Клянусь, если ты подсел на травку, то... — грозит пальчиком Хитон, указывая на парня.

— Нет! Ничего ужасного, но я всё равно промолчу — боюсь сглазить. Подробности узнаете завтра вечером, а пока нем, как рыба.

Сурово перевожу взгляд с одного на другую. Он в надёжных руках, и знаю: будь это действительно что-то опасное, он бы непременно рассказал. Ларкин вообще не способен хранить тайны — такой уж человек, слишком открытый. И раз сейчас не хочет говорить, значит, на то есть причины.

— Ладно, детки, с вами очень весело, но я пошла. Удачи тебе, Эрик, и Хитон... знай: я всегда на твоей стороне.

— Предательница! — возмущённо кричит мне в спину парень, но я его игнорирую.

Не хочу лезть к ним в отношения и уверена, что он притворяется.

— Всё, забываем про пятнадцать лет дружбы и расходим-

ся, если вы теперь лучшие подружки, — раздражается театральная тирадой он.

Да какой юрист, сцена по нём плачет. Бросаю беглый взгляд на часы: уже половина пятого, а на месте нужно быть к шести, опаздываю.

— Ох, как же вы мне все дороги, — устало подытоживаю, на ходу хватая сумки с костюмами.

— Договоритесь как-нибудь без меня, потому что если я вмещаюсь, то вам же будет хуже. И Эрик...

— Да, да. Без глупостей. Ты вечно повторяешь одно и то же. Я буду пайнкой.

Он посылает воздушный поцелуй, что страшно веселит Хитон, и они опять хихикают надо мной. Иногда кажется, им нравится моё вечно хмурое настроение, и они буквально считают своим долгом, находясь рядом, лучиться счастьем.

Люблю их.

Каждый из нас играет свои роли. Мы и вправду удивительным образом дополняем друг друга.

— Ну веселитесь тут, но не слишком, — сухо прощаюсь, выскальзывая за дверь.

Судя по игривому настроению, они планируют грандиозный вечер, полный ахов и вздохов. А видеть или слышать их я не готова и никогда не буду. От одной догадки меня передёргивает.

— Брр.

Спешно отмахиваюсь от похабных картинок в мыслях, по-

давяя тошноту. Мне чуждо их влечение. Может, причины такой раздражительности кроются именно в этом. Прошло около двух лет с тех пор, как у меня был парень, и к новым отношениям я всё ещё не готова. Вообще не уверена, что буду хоть когда-нибудь к ним готова — больше никому не могу верить. Разве что Эрику, но он почти брат.

Оказывается, сложно жить дальше после предательства. Чудо, что нам с Хитон удалось сблизиться, но не могу сказать, что мы прям подруги. Решительно нет! Она интересная, забавная и занимает большую часть пустого пространства вокруг меня, но не более.

Работа, учёба и сон — вот мои приоритеты. Загруженная по горло, я не могу ни на что другое выделить времени, да и не хочу.

Глава 2

Кейт:

Эмоционально истощённая и убитая, не спеша переодеваюсь в большой раздевалке после ночной смены в убогом кафе-баре «Дикий Запад». Это единственное место, где мне удалось найти работу не на территории кампуса, но и неподалёку от него. Мичиганский университет просто потрясающий, и мне всё в нём нравится, но найти здесь подработку оказалось чем-то невероятным. Слишком много желающих, а с моими навыками это почти невозможно, если говорить о приличных местах.

С облегчением снимаю свой дурацкий костюм танцовщицы, состоящий из блестящего купальника и до неприличия короткой юбочки, обшитой пайетками. Из женственной нимфы мгновенно превращаюсь в себя настоящую — грубую пацанку, натягивая свободную рокерскую куртку. Смываю с лица яркий, до отвращения, макияж. Ненавижу его, однако выбора нет. По словам организаторов, мы должны «блистать».

Я устроилась сюда сразу же, как поступила, и лишь потому, что были нужны деньги. За обучение платить не нужно, но брать средства на жизнь у родителей я никогда бы не стала, не позволила бы себе. Не после того, как с пяти лет получала приличные гонорары за призовые места. Так сложи-

лось, что я толком никогда не нуждалась в наличке, и только сейчас испытываю лёгкие трудности.

Моя семья баснословно богата, всё благодаря отцу. Легендарный Конрот Танон, первый защитник «Лос-Анджелес Кингз» и её капитан. Форвард со знаменитым кистевым броском, шесть лет подряд делавший команду победителем Кубка Стэнли. Тогда он был ещё молод, но влиятельным остаётся по сей день. Я же — главное разочарование всей его жизни.

Репутация моего отца оставалась непорочной и чистой, по крайней мере до недавнего времени, пока я не опозорила нас. Мне плевать на то, насколько ему могло быть стыдно. Этот мужчина никогда не придавал нам с сестрой особого значения: не хвалил, не приходил на важные мероприятия, не давал того, что должен давать нормальный родитель.

Думаю, всё потому, что Конрот всегда мечтал о сыне, но, к сожалению, мир полон разочарований. Бри, моя старшая сестра, — преуспевающий адвокат. Когда она родилась, отец ещё был на коне, и его лицо часто мелькало на камеру. Он считал и по сей день полагает, что безупречный имидж — это главное в жизни. Идеальная семья, брак с сестрой милосердия и по совместительству блестящим хирургом, много талантливых детей. Осталось вырастить наследника.

Сейчас папа работает в ассоциации НХЛ и продолжает сверкать своей идеальной жизнью, но уже в роли скаута, с удивительным чутьём выискивая самородки.

А я — небольшое недоразумение, ложка дёгтя, или просто грязное пятно на его фамилии.

Пол первого ребёнка был безразличен, но вторым однозначно должен был родиться мальчик — наследник великого Конрота Танона. Врачи твердили до последнего, что ждут сына, но прогнозы оказались ошибочными. Я стала его первым и самым страшным провалом.

Мать пыталась реабилитировать меня в глазах мужа, всячески прививая любовь к спорту. Именно её стараниями я встала на коньки в два года, так что по земле и по льду пошла одинаково неуверенно.

С детства меня снедало чувство вины. Трудно расти изначально в немилости. Пришлось много стараться, из кожи вон лезть, и успех пришёл, но ему и этого было вечно недостаточно. Отец обращал внимание на детей исключительно тогда, когда наши персоны доставляли ему неудобства.

Ожидание одобрения и безысходность постепенно переросли в глупый подростковый бунт и слепую ненависть ко всему, что приносило ему радость. Может, потому я и поступила в Мичиган. Местная хоккейная команда — самая слабая во всей Северной Америке. По-моему, они не завоевали ничего с пятидесятых годов, и вот оно, видимо, единственное место, где не скандируют об этом виде спорта со всех углов.

Завязав волосы в тугий хвост на затылке, смотрю на своё отражение в большом зеркале туалетного столика, обрам-

лённом десятком пыльных лампочек. Без тонны косметики я бледная и выгляжу нездорово. Может, потому что страшно хочу спать. Уже почти пять утра, но отдыхать некогда. Мне удастся поспать не больше часа, затем снова надо идти на учёбу.

Ненавистная работа изводит меня. Смены по десять часов, где я разношу заказы зазнавшимся толстосумам и периодически пляшу с кордебалетом, развлекая тех же мерзавцев. И ладно бы платили хорошо, но того, что есть, едва хватает на жизнь. «Всё поправимо», — так мне сегодня заявил один из менеджеров, и передал визитку от жирного борова за ближним к сцене столом.

Беру эту неоновую-яркую бумажку: «Дикие кошки Портленда».

Ну уж нет, до такого дна я ещё не скатилась, чтобы танцевать полуголой в стрип-клубе для таких же, как тот мужик, женатых ублюдков. Ни за что!

С остервенением скомкав визитку, бросаю её в мусорное ведро под столом и снова оцениваю себя. Я сильно изменилась за последние два года. Мне двадцать три, выгляжу совсем взрослой. Пропали привычные округлые щёчки и поневинному распахнутый взгляд. Пусть у меня и низкий рост, но я не смахиваю на школьницу. Во мне женственных метр пятьдесят восемь с крепкими бёдрами и тонкой талией. Лицо приобрело острые углы, скулы сильно выдаются, а губы яркие — даже слишком. Снова провожу по ним влажной

салфеткой, смывая кроваво-красную помаду. С ней я как суккуб.

Когда заканчиваю, суровое лицо смотрит на меня в отражении. Увидев похожую на улице, сразу решила бы, что стерва. Хотя так оно и есть, но я не шлюха. Трясти задницей и продавать себя подороже не планирую даже за большие деньги, но подобные перспективы нагоняют тоску.

А чего ещё ожидать от моей профессии? После скандала, с которым отныне связана моя фамилия, меня не возьмут в серьёзную труппу. Буду, видимо, до старости плясать канкан в забегаловках за гроши. Я вообще не планировала никогда становиться танцовщицей, но с моими данными — одна дорога.

Нет, не нужно думать об этом. Что-нибудь придумаю.

Закончив сборы, решительно хватаю вещи и, пока другие девушки щебечут вокруг, восторгаясь своим выступлением, выхожу раньше всех. Если хочу поспать, нужно торопиться.

По всем законам подлости, долго жду автобус, а потом мы ещё и в пробке стоим. В итоге, когда прихожу домой, успеваю разве что растолкать Хитон и взять учебники. К сожалению, как бы ни хотелось признавать, бессонные вторые сутки сказываются, несмотря на три чашки кофе и на истории искусства я вырубаюсь.

От глухого удара по парте рядом с головой быстро и испуганно подрываюсь. Ошалело осмотревшись вокруг, замечаю, что в аудитории никого нет, кроме нашего педагога — пре-

старелой и прямой, как палка, миссис Оханы. Бывшая балетмейстер — она была таковой ещё до динозавров. По-прежнему тонкая, но сухая, словно финик. Огромные круглые очки на пол лица недовольно смотрят на меня с упрёком. Зализанный пучок настолько идеален, что иногда кажется, будто он накладной, и притом ещё и пластиковый.

— Доброе утро, мисс Танон. Надеюсь, вам сладко спалось на моей лекции...

Она просто бесит своей манерой театрально растягивать слова, а монотонный голос вводит всех в уныние. Может, потому именно на её предмете силы покинули меня? Я не ищу неприятностей, поэтому быстро гашу в себе раздражение.

— Простите.

— Простите? Это всё, что вы готовы сказать в своё оправдание?

Никогда не оправдываться — вот одно из моих главных правил. Бессмысленно что-то доказывать словами: правоту важно демонстрировать действиями. Нынешняя ситуация не станет исключением. В ответ я молча начинаю собираться, но данный результат её явно не устраивает, поэтому она распаляется ещё пуще.

— Прекрасно! Если считаете, что весь мир к вам обязан относиться по-особенному, то вы сильно заблуждаетесь, милочка. Кем бы ни были ваши родители, в университете мы ко всем студентам относимся одинаково. Так что будьте добры, ведите себя прилично. Ходить на пары — святая обя-

занность для всех учащихся, как и слушать лектора. Иначе имейте в виду: я напрямую поспособствую тому, чтобы вас мигом вышвырнули вон. Всё ясно?

— Да, миссис Охана, я вас услышала.

— Пора бы взяться за ум, а то у схожих с вами девиц одни пьянки да гулянки на уме. Где старое доброе самоуважение и целомудрие? Почему такие вещи вышли из моды?! Вы взрослая уже и должны понимать...

— Я понимаю, — отвечаю резче, чем следовало бы, затыкая почти накатавшуюся тираду.

Честно говоря, непросто смириться с творящейся несправедливостью, и потому я готова вспыхнуть, как сухая листва в майский день, от одной искры. Женщина оскорблённо открывает рот и нервно теревит очки, но прежде чем она начинает говорить, я добавляю гораздо мягче и покорнее:

— Простите меня ещё раз, этого больше не повторится. Я пойду.

И пока та растерянно мнётся, быстро ретируюсь с поля боя, потому что не в настроении слушать её разглагольствования. Почему-то каждый считает своим святым долгом напомнить мне, кто я и откуда. Они думают, будто таким образом приравнивают меня к остальным, чтобы выскочка не звездилаась.

Надоели уже эти тычки. Я здесь исключительно за свои заслуги. Да, признаю, я очень симпатична ректору Роннону, и он всячески кичится тем, что у него учится выдающаяся

спортсменка со столь громкой фамилией. Старик просто заядлый фанат «Кингз», особенно моего отца, и, наверное, тем самым показывает свою благосклонность, желая подобраться к нему поближе. Но в результате его поведение раздражает окружающих, включая меня.

Преподаватели, студенты и даже их родители думают, что мне всё преподносится на блюде с золотой каёмочкой. Но это неправда. Я тружусь, и ни разу ещё не было такого, чтобы мне поставили что-то просто за красивые глаза. Я бы не приняла подачку. Вследствие особых прав ко мне относятся предвзято, но не в хорошем смысле, а скорее наоборот, и требуют больше. Но и с дополнительным давлением справляюсь, что ещё сильнее выводит из себя завистников.

Одна из самых популярных каст в университете — это спортсмены. Естественно, футболисты, которые сражают наповал своим видом и высокомерием. Но тут хотя бы заслуженно: наша футбольная команда сильная и часто берёт призы в чемпионатах разного рода. Они известны во всём штате, и каждый парень-первокурсник при поступлении стремится попасть в команду — ведь там новичков ждут статус, хорошие перспективы и особые привилегии. Спортсменам оплачивается обучение, а при условии, что они хорошо играют, их частенько берут в профессиональный спорт, предлагая контракты ещё до окончания колледжа.

Также популярны баскетболисты и хоккеисты, хотя трудно представить почему, ведь эти команды — отстой. Может,

они берут публику своей выдающейся тупостью или «особо интеллектуальными лицами» — не знаю. Но встречаться с любым из них — верх женского счастья для девчонок из сестринства.

А вот из прекрасной половины ценятся в основном участницы группы поддержки и танцевального факультета. Мы не менее слажены и тоже тренируемся на износ. Все до единой стройные и точёные, как на подбор, потому и самые желанные.

Меллани умело пользуется достоинствами, блистая во всей красе, и, как по мне, позорит всё наше отделение со своими подружками, создавая дурную славу. Конечно, иметь девушку из хореографического здорово, причём во всех смыслах. Ведь мы гибкие до неприличия и выносливые, с крепкими задницами в придачу, а ещё, в отличие от чирлидерш, не пустоголовые.

Меня тошнит от подобных слухов. Кому-то же они приятно льстят, даруя особую выгоду. Пускай так, ради бога. Хотите быть шлюхами — будьте, но не позорьте остальных! Я не шляюсь по тусовкам, на них нет ни времени, ни сил.

В прошлом году Хитон пару раз уговорила пойти с ней и Эриком оторваться, и это была самая настоящая катастрофа. Там было скучно до зубного скрежета, а меня на пьяную голову нередко посещают мысли с разными опасными авантюрами, за которые потом бывает стыдно.

Так что я завязала с вечеринками, так и не распробовав.

Раньше, когда приходилось много тренироваться, тусоваться нам запрещали, как и танцевать, веселиться, пить или курить. Спортсмены даже питаются исключительно по особой диете. Вечный контроль и ни минуты покоя. А сейчас, когда уже можно пускаться во все тяжкие, как-то не хочется. Видимо, я переросла тот момент бунтарства, когда ты трахаешься налево и направо без обязательств и напиваешься до беспамятства в незнакомых местах. Теперь я люблю сон.

Вхожу в свою комнату, сбежав с двух последних бесполезных пар, в надежде наконец отдохнуть, но не тут-то было. Думала, никого не встречу, ведь у соседки ещё живопись, но хрен мне. К превеликому сожалению, у нас, как всегда, оживлённо.

Эрик в расстроенных чувствах пьёт текилу, пока Хитон и её одноклассница мастерят какой-то очередной этюд с натуры. С полуголой натуры в нашей общей гостиной! Парень болезненно худощавого телосложения стоит с обнажённым торсом, укутанный в простыни наподобие тоги древнего Рима, а в вытянутой руке держит поднос с фруктами. И всё это — под агрессивный инди-фолк, звучащий из стереосистемы.

Когда я захожу, четыре пары вопросительных взглядов устремляются ко мне, а я растерянно пялюсь на эту комичную картину.

— Эм?

— Кейт, ты вернулась! — первым радостно, но пьяно приветствует меня Эрик и идёт обниматься.

Повиснув на моей шее (вернее, навалившись всей своей тушей), он тяжело вздыхает, лепеча невнятный бред. По инерции обнимаю товарища, но с вопросом продолжаю смотреть на его девушку поверх массивного плеча.

— Что происходит?

Хитон многозначительно пучит глаза и, будто мим, машет руками в попытке объясниться. Понимаю лишь то, что наш общий друг расстроен, ведь его куда-то не взяли, но куда и почему, не разобрать. В итоге появляется больше вопросов, чем ответов. После минутки кривляний она всё же заговаривает по-человечески:

— Ты рано вернулась. Не против, если мы закончим? Мы быстро. Я не думала, что проект займёт столько внеурочного времени, — звонко восклицает, складывая ладошки в мольбе, и строит жалостливые глазки.

Ненавижу, когда она так делает: ей не откажешь. С большой неохотой киваю, давая добро, и с трудом остаюсь стоять под медвежьими объятиями Эрика.

— Ну же, давай оставим их, пусть трудятся. Мне нужен собутыльник, — громче необходимого требует парень, ловко укладываясь на мою постель, расположенную в правой части комнаты, и блаженно вытягивается на ней.

Когда он успел стать таким огромным, не понимаю. Высокий настолько, что с трудом помещается там, где я чувствую себя вполне свободно. Стройный и даже слегка мускулистый — значит, успел позаниматься летом, не иначе. Мой маль-

чик вырос. От этих размышлений щемит в сердце, а ещё от тоски по старым временам, когда мы были детьми.

Совсем не по-хозяйски сбрасываю в кучу ботинки, спортивную сумку с курткой и заваливаюсь рядом с Эриком на постель валетом, принимая протянутую бутылку.

— Паршиво выглядишь, — подмечает мерзавец, с прищуром оглядев меня.

Скорее всего, так и есть, но слышать подобное неприятно, поэтому возмущённо пинаю его в бок пяткой. Тот недовольно ёрзает, перехватывая мой ярко-розовый носок с креветками. Это моя фишка, люблю такой стиль. Обожаю любую свободную одежду, желательно чёрную или мужскую, благодаря которой складывается впечатление, что я неформал. Чистый андеграунд. Но на самом деле я всё ещё остаюсь обычной девочкой, которая с пяти лет обожает единорогов. Эрик щекочет стопу и приходит моя очередь вырываться, визгливо хохоча.

— Потому что паршивый день, неделя, год, вся жизнь...

Успокоившись, вновь сникаю и жадно прикладываюсь к горлышку, глотая горячительное словно воду.

— Хочешь поговорить? — аккуратно предлагает он, тонко улавливая крайнюю степень моего отчаяния, но я пока не готова, поэтому просто отрицательно качаю головой.

Ещё рано, но мы с ним всегда делимся чем угодно. Я счастлива, потому что могу быть уверена: он в любой момент выслушает и поддержит, даже если я окажусь не права. Но

не сегодня. Парень во всех подробностях знает о той ситуации годичной давности и прекрасно понимает, какие у нас с отцом взаимоотношения, но предпочитает не лезть и это правильно. Всё равно ничем не поможет, только разбередит старую рану. Я должна справиться самостоятельно. А вот его пессимистический настрой — это что-то новенькое, что точно требует внимания.

— А ты почему пьёшь посреди недели? Неужели тайная авантюра не увенчалась успехом?

Я хотела пошутить или хотя бы увести разговор в более-менее безопасное русло, но, видимо, меня ожидает провал. Эрик ещё больше мрачнеет и, погрузившись в печальные мысли, тянет с ответом — следовательно, ожидать чего-то позитивного не стоит.

— Ну? — почти требую, напрягаясь всем телом, и настойчиво ловлю его бегающий взгляд.

— Да, то есть нет. Ничего серьёзного.

— Ну колись уже.

И снова напряжённая тишина.

— Я жду!

Тяжело вздохнув, он сдаётся, понижая голос до низкого гудения:

— Меня не взяли в хоккейную команду университета, вот...сказал.

Ничего не понимаю, и, видимо, негодование красочно читается на моём лице, потому что Эрик бросает в мою сторону

кривой взгляд, и уголки его губ непроизвольно ползут вверх.

— Чего? Подожди, куда? Зачем тебе?

— Только не психуй, ладно? Я хотел в этом году чем-нибудь заняться и решил остановить выбор на хоккее. А почему нет? У Хитон три дополнительных кружка, а ты вечно пропадаешь на работе. Мне осточертело изнывать от безделья.

— Так, понятно.

Я, конечно, не в восторге, но то, как мой близкий человек готов извиняться и оправдываться за свои вполне естественные желания, — неправильно. Чувствую себя цербером. Мои проблемы со спортом не должны отражаться на нём.

— И...

— Что и?

— Почему хоккей, а не футбол? Эти ребята — полные лузеры. Хотя погоди. Что значит «не взяли»? Как? Ты же с шести лет стоишь на коньках. Я самолично учила тебя, и отец частенько показывал разные техники и хитрые приёмы. Какого хрена?

Из-за хаотичных мыслей я выливаю целый рой вопросов, на которые Эрик лишь пожимает плечами.

— В футбол однозначно попасть бы не вышло, слишком много желающих. К тому же ты права, я недурно стою на льду и знаком с основами, потому выбрал хоккей, но...

— Но что?

— В этом году у них сменился тренер. Какой-то крутой титулованный парень всем заправляет и, судя по всему, он решил полностью перевернуть устоявшиеся правила. Я показал себя, как и многие другие. Он от всех воротил нос, сказал, что не дотягиваем. Не тот уровень.

— Ты?! Не дотягиваешь?! — неоправданно громко восклицаю, пугая окружающих.

Как наглости хватило? Что о себе возомнил? Мой друг хорош в хоккее, как бы ни было противно это осознавать. Ну, возможно, не профи, но в школе играл прекрасно. А тут какой-то списанный старпёр образовался непонятно откуда и решил навесить ярлыки. Да он должен спасибо сказать за то, что хоть кто-то ходит на пробы! Чемпион недоделанный.

— Забей, пошло оно, — капризно добавляет Эрик.

— Нет. Так не пойдёт.

— И? Что ты хочешь сделать? Я вижу по твоему лицу: ты что-то задумала, и мне это не нравится.

Криво усмехаюсь с коварным видом.

— Вставай, пошли... — с минуту пораскинув мозгами, подытоживаю, настойчиво поднимая его и себя на ноги.

Вся сложившаяся ситуация меня почему-то задевает, и дело приобретает личный характер. Но прежде чем рваться в бой, нужно проверить свои стратегические силы. Плевать на отдых. Сон для слабаков. Пришло время потрудиться.

Глава 3

Кейт:

Мы разминаемся сидя прямо на полу между нижними рядами трибун ледовой арены. День икс настал. С момента нашего разговора прошло три недели, и кое-что сильно успело поменяться. Во-первых, я всерьёз занялась Ларкином, а это значит, что результат будет.

Помогаю тянуть его стопу, пока Эрик, весь в термобелье, усердно готовится к выходу на лёд. Сегодня очередной отбор. Когда он обо всём рассказал, трудно было поверить, что всё настолько ужасно. Поэтому мы отправились оценить собственные возможности — естественно, предварительно хорошенько надравшись.

Несмотря на маленький вес, у меня есть особая суперсила. Люди частенько оправдывают свои невероятно нелепые поступки тем, что были под градусом и ничего не помнят. Я же, до какой бы степени ни напилась, никогда не отключаюсь и всё прекрасно осознаю. Тот вечер не стал исключением, так что все выкрутасы, которые мы провернули, были логичными и вполне оправданными.

Допив бутылку на двоих, наша парочка, разгорячённая и слишком развеселившаяся среди ночи вломилась на эту же ледовую арену. Миновав не без приключений двух охранников, один из которых нас даже заметил под конец, но, к сча-

стью, не успел догнать. По итогу мы нашли хоккейный корт.

В раздевалке Эрик обзавёлся коньками и чьей-то оставленной по глупости клюшкой. Свет почему-то всё ещё горел на трибуне, и друг, выйдя на лёд под моим чутким руководством, забросил несколько шайб в зияющие пустотой ворота. Как и ожидалось, будучи пьяным в стельку, Эрик не просто устоял, но и показал себя неплохо. Тогда я сказала ему, что он великолепен и что их новый тренер — полный идиот, если разбрасывается подобными кадрами. Мы смеялись до слёз.

Конечно, требовалось уделить внимание некоторым деталям. Парню не хватало скорости, и на полном серьёзе я предложила подтянуть его, на что получила моментальное согласие, граничащее с щенячьим восторгом.

Мне хорошо известны особые техники благодаря занятиям шорт-треку, поэтому я абсолютно уверена, что смогу сделать из него настоящий метеор при наличии должного упорства.

Странно, что тренер «Спартанцев» отказался от многих желающих вступить в команду всего из-за пары пустяков. Разве это не прямая обязанность наставника — разглядеть слабые стороны игроков и укрепить их? Если он профессионал, в чём я теперь очень сильно сомневаюсь, значит, должен понимать, что в его руки не приходят изначально монстры игры. Они всё те же мальчишки из старшей школы, и им предстоит многому научиться. Но главное — это стремление.

Сама я так и не решилась выйти на лёд, даже когда приятель, подшучивая над моей трусостью, комично пытался силой вытолкать меня туда, чтобы прокатить на спине. Не могу. Ещё нет. Отныне из-за судебного запрета дорога сюда мне закрыта. Больше никакого фигурного катания, да и нагружать колено небезопасно.

Мы весело провели время, и я выстроила график тренировок по своему личному проекту. Никогда ещё не занималась ничем подобным. Раньше учить кого-то казалось пустой тратой времени. Знаю, именно эта незавидная судьба ждёт большинство спортсменов после завершения карьеры. Я же всегда считала, что буду исключительно кататься, что умру на льду, но не стану ни за что ломать кого-то под систему или заставлять становиться чемпионом.

Нет, спасибо.

Да и после Антоана трудно доверять. Отныне работа в паре — в прошлом. Уже целый год мне успешно удаётся избегать любых новых связей и ни с кем не сближаться, чтобы больше ни в ком не разочаровываться.

Но Эрик... Старый добрый Эрик, который даже чаще, чем моя мать, присутствовал на чемпионатах в поддержку. Если он действительно хочет, то я готова помочь всем. Отчасти мне уже удалось: мы каждый день по два часа дополнительно занимались в спортзале, укрепляя определённую группу мышц, необходимую для быстрого конькового шага. И результат превзошёл все ожидания.

Сегодня последняя репетиция перед днём открытых дверей, на котором мне, к несчастью, тоже придётся выступать. Каждый год в Мичиганском государственном университете проводится благотворительная акция для школьников. Все желающие могут купить билет на суперматч и заодно посмотреть вуз, в который потом, в перспективе, поступят. Обычно их встречает захватывающе позорная игра одной команды, разделённой на два состава, которая сражается на родной арене, но в этом году всё иначе.

Наш ректор Пол Роннон решил блеснуть на всю. Он выступил с инициативой проведения нескольких турниров — схватки между действующими профессионалами и ещё одной для любителей из старших классов школ района.

Ну а всех тех, кто учится на хореографическом, припахали для заполнения рекламной паузы между играми. Будем чем-то вроде группы поддержки для футболистов, но на льду выделять пируэты.

К сожалению, оказалось, что лишь немногие девочки способны одновременно стоять на коньках и грациозно что-то исполнять, поэтому нас попросили присоединиться и пополнить состав. В результате арена напоминает один сплошной балаган. В воздухе витают отзвуки человеческих разговоров. Приглашённые инструкторы в сторонке беседуют с организаторами и другими преподавателями. Стайка одинаковых, будто на подбор, болельщиц, разодетых в фирменные цвета университета, разогревается неподалёку. Кое-кто напялива-

ет на себя коньки, и целый табун опытных и начинающих хоккеистов нарезает круги на льду. Всех изъявивших желание посмотрят, определяют в конкретную команду в зависимости от уровня способностей, и только потом они будут играть.

До чего же нелепое мероприятие. Хочется зубами скрежетать от тупого пафоса. Кому эта показуха вообще нужна и с каких пор мы так радеем за хоккей? Если бы не Эрик, клянусь, всё происходящее превратилось бы в пытку.

Закончив с одной ногой, беру в руки другую и сильно тяну стопу, пока друг не начинает жалобно скулить.

— Ау-ау-ау. Полегче, или хочешь поломать меня ещё до начала самого интересного?

— Прости, я задумалась. Нервничаешь?

— Разве что немного. Не уверен, что во всём этом есть смысл. В какую бы группу меня ни укомплектовали, мы всё равно вряд ли победим. Несыгранные команды мало результативны.

— Брось, мы тут с другой целью, — констатирую с заговорщицким видом.

— Знаю, — отвечает он, искоса поглядывая на двери раздевалки, где толпятся представители совета попечителей.

Смысл нашей задумки не в том, чтобы его команда выиграла, а в возможности показать себя в деле. Новый тренер обратит на него внимание, если увидит прогресс. Как оказалось, за последние несколько недель команду успели по-

кинуть двое игроков. По-видимому, не сошлись характерами с наставником, и ещё одно место оставалось свободным из-за недобора. Думаю, поэтому некий Майк Райли — бывший профессиональный игрок, ныне тренер «Спартанцев» и согласился (пусть с большой неохотой) поприсутствовать на репетиции. Его парни всегда готовы выйти на лёд, но новички...

Когда тяжёлые металлические двери раздевалок шумно открываются, почти каждый считает своей обязанностью посмотреть, что там за разборки. Мистер Роннон — высокий, худощавый мужчина за пятьдесят вышагивает решительно и быстро, чтобы не отставать, и всеми силами делает вид, будто не пререкается на публику с каким-то заносчивым парнем в костюмчике.

Молодой наглец привлекает моё внимание только потому, что не похож на остальных инструкторов: слишком юный и чересчур дерзкий. Смотрит на окружающих будто на пыль под ногами и явно не слушает то, что говорит наш ректор.

Ноль эмоций.

Когда парочка подходит ближе, я могу рассмотреть его получше. Смазливый до неприличия. Очередной избалованный сыночек какого-нибудь богатенького инвестора. Дорогой костюм-тройка сидит до смешного неуместно на нашем фоне. Высокий, лицо точёное, как у девчонки, — прям противно. Чёрные, немного кудрявые волосы лежат слегка растрёпанно и выгодно выделяются на фоне светлой кожи. Должно

быть, парень родом из тех мест, где редко бывает солнце. Но внимание моё привлекают глаза.

Не думала, что существует цвет ещё глубже и сочнее моего. Они — выразительного, насыщенного оттенка океанских глубин. Завораживающий взгляд безэмоционально и холодно скользит по нам с Эриком, расположившимся на полу рядом с целой кучей сумок.

— Какого чёрта здесь творится? Убрать! — на ходу раздражённо раздаёт команды наглец, указывая на грудь за нашими спинами, будто мы у него дома устроили филиппинскую свалку.

Не дожидаясь реакции, словно исполнение приказаний — само собой разумеющееся, они с мистером Ронноном проходят дальше, утопая в море народа. Я же безотрывно смотрю им вслед, провожая взглядом.

— Это ещё что за топ-модель такая? — с презрением подмечаю, оттащив в сторону свои вещи.

Пока перепуганные артисты и спортсмены разбирают завал, мы поднимаемся в полной боевой готовности. Эрик, горько усмехнувшись, отвечает:

— Знакомься. Тот самый, нами горячо любимый тренер Райли. Бессердечная машина по разрушению детских мечт.

— Чего?

Поверить не могу.

— Какой из него тренер? Он едва ли старше нас.

— Да, юное дарование, которому не повезло. Мужик с во-

семнадцать лет играл за Детройт, затем травма в двадцать шесть — и всё, карьере блестящего спортсмена конец.

— Травма?

— Да, вроде спину сломал пару лет назад. С тех пор вот... тренирует других таких же говнюков, как и он сам.

— Ясно.

Очередная суперзвезда, у которой случился быстрый взлёт и такое же стремительное падение с Олимпа. Как же сильно я презираю подобных людей — долбанные нытики. Меня ничто бы не смогло остановить. Сколько раз врачи уверяли, что далеко не факт, сумею ли я ходить, не то что профессионально кататься, но каждый раз мне упрямо удавалось опровергать любые прогнозы. Даже если бы всё было совсем плохо, я вышла бы на лёд. Если бы села в коляску — выкатилась бы в ней. А если не смогла бы встать — приползла бы на руках.

Самородки вроде него часто ломаются из-за лёгкого ветерка, быстро отказываясь от мечты. Им неведома борьба, нет закалки, никакой твёрдости духа. И плевать — пусть поступают как считают нужным. Для меня главное — Эрик.

Поворачиваюсь к нему и по-матерински поправляю воротник, чтобы лучше прилегал к горлу.

— Что ты делаешь? — противится друг так же, как делал это в начальной школе, когда я проявляла свою чрезмерную опеку о нём.

— Не нервничай, у тебя всё получится. Просто играй, как

всегда играешь, и не забывай, что говорил мой отец...

— Да, да. Следить в первую очередь не за шайбой, а за игроками. Помню, мамочка. Ну хватит, — отмахивается верзила, не давая надеть на него шлем, и, вырвав его из моих рук, сам напяливает себе на голову.

Быстро спохватившись, завожу руки за спину. Он прав, нам давно не по десять, и посторонние вокруг. Несколько куколок-первокурсниц из группы поддержки в паре шагов хихикают и искоса глядят в нашу сторону. Строю выразительную гримасу, безмолвно спрашивая: «Какого хрена суёшь нос не в своё дело?» — и те быстро ретируются.

— Ладно, пожелай мне удачи, — криво ухмыляясь, подмигивает парень и подставляет кулак для удара. Бью раскрытой ладонью, как и всегда у нас принято.

— Удачи. Сделай их всех.

Он уходит, потому что уже прозвучал один гудок. Впереди их ждёт переключка и разделение на группы, потом три игры, по завершении которых станет всё ясно. Тренеры дают последние наставления ученикам, после чего устраиваются по краю трибун.

Куча зевак окружает бортики, ожидая суперинтересную игру, и я вместе с ними не свожу глаз с моего мальчика. Он шустро вливается в поток, будто стерлядь в свой косяк.

Невзначай во всей этой толкотне прислушиваюсь к ощущениям и, на удивление, не обнаруживаю никакой паники или неприязни. Всё ровно — внутри полный штиль. Во вто-

ром тайме даже взволнованно кричу, поддерживая команду Эрика. Их перегруппировывают, но его, к счастью, ни разу не отправляют на скамейку запасных. В принципе неплохо. Он играет лучше большинства и гораздо увереннее передвигается на коньках, успевая стремительно набрать разгон.

Горжусь им. Приятный восторг рождается в груди, когда он забивает свою вторую шайбу. Следом раздаётся сигнал об окончании, и мой братишка подлетает к тому месту, где стою я, чтобы через полупрозрачный щиток соорудить забавную гримасу.

Как идиотка улыбаюсь от уха до уха, но счастье длится недолго.

— Эй, ты Кейт Танон? — гундосо спрашивает какая-то девушка-чирлидерша в зелёном купальнике, отвлекая моё внимание.

Неужели ей совершенно не холодно? Тонкий облегающий комбинезон сидит на теле как вторая кожа, выставляя всё на показ. Яркая, кричащая внешность и паршивый гонор красноречиво сообщают, что она из тех, кто не в восторге от того, что придётся выступать с новым составом.

— Ну, я?

— Вот! — раздражённо бросает мне такой же, как у неё, комбинезон и манерно упирает руки в бока. — Быстро одевайся, они скоро закончат, и нам надо будет откатать номер, так что шустрее.

И уходит, преисполненная презрением. Недовольно цок-

нув, закатываю глаза.

Вот же дрянь, всё настроение испортила. Я, кстати, тоже не испытываю бурной радости от перспективы задницей вилять при всех. Столько усилий вложила, полностью посвятив себя спорту, вовсе не для того.

С неприятной тревогой расправляю в руках то, что мне вручили. Это иная версия формы, нежели у неё. Здесь почему-то нет юбки, а лишь суперкороткие шортики, зато есть рукава. Но не думаю, что нечто подобное прикроет мои ягодицы. Я, в отличие от неё, не плоская.

Моему возмущению нет предела, поэтому порываюсь пойти на поиски девчонки и как раз замечаю движение рядом. Надутый индюк, а по совместительству новый горе-тренер «Спартанцев» почему-то уходит, спешно спускаясь с трибуны, и вот-вот пройдёт мимо.

Слишком рано. Почему он сваливает, ещё же целый период? Как раз бросаю взгляд на остальных инструкторов — они по-прежнему занимают свои места, совершенно не обращая внимания на побег одного из них. Один ректор сидит весь пунцовый.

Вот засранец. Какое неуважение — покидать игру раньше времени.

Чтобы разминуться с ним в проходе, нам обоим приходится стать боком. Я отворачиваюсь первая, наблюдая за льдом. Эрик как раз проезжает мимо, с тоской поглядывая в спину дезертира.

— Ну что за высокомерный придурок, — не сдержавшись, ворчу, когда наглец огибает меня, словно прокажённую, стараясь не прикоснуться ненароком.

— Что прости? — в лёгком шоке останавливается и разворачивается ко мне удивлённый парень, всем своим видом пытаюсь смутить, но не на ту попал.

Встав лицом к лицу, делаю уверенный шаг навстречу с гордо поднятой головой, хотя это скорее необходимость. Приходится задирать нос, чтобы видеть его глаза.

— Ты слышал, что я сказала. Если надо, повторю. Вы, мистер «тот ещё высокомерный придурок», — ровно проговариваю прямо при всех, чеканя каждое слово, в результате чего смоляные брови удивлённо ползут к небу.

Здесь слишком шумно, и редкие прохожие старательно делают вид, будто не подслушивают, однако уверена — это не совсем так. Хотя Райли не выглядит как человек, которому важно, что о нём подумают, — уверена, у меня получилось задеть его непомерно раздутое эго.

Он демонстративно хмыкает, явно поражённый подобной прытью, и, сделав шаг навстречу, прячет ладони в карманы брюк. Ну совершенно ничего его не смущает. Я же с вызовом складываю руки на груди, ожидая, что произойдёт дальше.

— Хм, позвольте полюбопытствовать: откуда такие выводы, милочка?

Милочка?! Он разговаривает со мной, будто я слабоумная истеричка или блондинка, которая попала в аварию из-за то-

го, что перепутала педали тормоза и газа. Всё в нём — и тон, и вид — выводит из себя. Хищно наклоняю голову, с трудом сдерживая яростное желание отпинать его по физиономии.

— Или погоди, это что-то личное? — добавляет чванливый засранец, оценивающе пробегая по мне глазами с макушки до самых пяток. Райли останавливает взгляд всего на секунду на костюме в моих руках.

— Нет, чистый анализ, непредвзятый взгляд со стороны. И я готов подписаться под каждым словом. Для начала — это неуважительно покидать турнир до окончания состязаний. Особенно когда в команде недобор.

— Я уже всех видел, и мне вполне достаточно просто взглянуть на парней, чтобы понять, кто чего стоит.

— Именно поэтому — высокомерный. Считаешь себя профессионалом, божественным дарованием, наверное. И подбираешь команду под стать себе. Только вот по статистике лишь семь процентов талантов чего-то добиваются в жизни, остальная масса оказывается не способна к борьбе или хотя бы к прикладыванию минимальных усилий, чтобы добиться роста. Большинство спортсменов становятся лучшими исключительно потому, что готовы пахать, у них есть цель, и они упрямо идут к ней, преодолевая себя.

Он внимательно слушает мою запальную речь, причём совершенно без эмоций — даже скорее скучающе. Раздражение выдаёт разве что лихорадочный блеск в глазах, и ещё становится понятно, что я умудрилась вывести его, по тому,

как он проводит языком по внутренней стороне щеки.

— Достаточно! Я не обязан выслушивать нравоучения от какой-то девочки из подтанцовки, — подытоживает темно-волосый, окончательно потеряв интерес к нашей беседе.

Он стремительно разворачивается на пятках и быстро удаляется. Остальные слова я выкрикиваю ему в спину:

— А уже из-за этого — дурак. Иногда может, и стоит прислушаться к какой-то там девчонке из подтанцовки.

Он оборачивается, стрельнув сердитым взглядом, но не останавливается, пока не скрывается за дверьми спортивной раздевалки.

— Козёл, — разъярённо рычу, возвращая внимание обратно к хоккейной площадке, и разгневанно бью ногой по нижнему металлическому каркасу.

Сегодня Эрик блистал во всём своём великолепии. Уверена, он был лучше любого из игроков. Хотя чего от них ждать? Парни — в основном любители. Но высокомерный засранец всё равно ушёл, виляя задницей, беззастенчиво наплевав на любые правила приличия.

Хотя ничего такая задница.

Господи, о чём я вообще думаю?!

Встрепенувшись, выбиваю из головы нелепые мысли. Когда ловлю на себе настороженный и вдобавок вопросительный взгляд друга, натянуто улыбаюсь, показывая палец вверх.

Вот чёрт. Не дай бог своим комментарием я могла как-

то навредить его шансам попасть в основную команду. Не уверена, что индюк Райли сопоставит факты и догадается, что мы вместе, но...

Засада!

Ну почему всегда так? Сперва делаю, забывая подумать головой?

Занимаюсь самобичеванием вплоть до конца разминки и прокатки. Я даже наказываю себя тем, что беспрекословно соглашаюсь на нелепую форму, которую мне вручили, несмотря на то что она не только не идёт, но даже по размеру не подходит.

Глава 4

Кейт:

Моя жизнь — одно сплошное унижение. Мы успели дважды выйти на лёд, чтобы развлечь публику. Прошло два периода, и каждый такой выход становится психологической травмой на всю оставшуюся жизнь. Меня потрогало около двадцати человек, а я должна терпеливо переносить то, как незнакомцы нагло влезают в моё личное пространство, и улыбаться. Чирлидинг — это что-то за гранью.

Ещё одна причина, по которой я ненавижу этот вид спорта (помимо отца и того, что здесь невероятно шумно), — сами хоккеисты. Огромные, тупоголовые амбалы, переполненные тестостероном. Команда «Мичиган Стейт» ещё не успела сыграть и сезон толком не начался, а они уже готовы сорваться. На площадке за игру произошло три драки и два удаления, причём это — несмотря на явную нехватку народу.

Как бы ни хотелось, но Эрика так и не взяли играть, хотя, возможно, дело в том, что только вчера были смотрины. Тем не менее я до последнего надеялась.

Турнир вот-вот закончится, остаются считанные минуты игры, и наш выход. Тринадцать болельщиц на коньках выпорхнут поздравлять победителей ради памятных фотографий.

С нетерпением жду этого момента, чтобы поскорее исполнить элементарную программу и свалить. Она действительно самая примитивная: мы просто медленно катаемся, слегка пританцовывая. Никаких сложных фигур, всё максимально упрощено. Единственное требование нашего лажового хореографа: «Улыбайтесь, девушки!»

Подобное в спортшколе проделывают пятилетки, но чего ещё ждать от самого отстойного университета, если судить по статистике всех спортивных рейтингов?

Неожиданно по площадке разносится противный звук сигнала. Шайбу в последнюю секунду забрасывают в ворота, и я вздрагиваю, пугаясь громкого возгласа толпы. Когда третьекурсник и звезда вечера Ник Стоун под номером шесть делает почётный круг, дефилируя перед болельщиками, все девчонки в схожих с моим костюмах верещат от восторга. Парень специально подъезжает к нам, умудряясь кадрировать каждую. Ведёт себя будто рок-звезда. Как по мне, этот Элтон Джон ущипнул меня за ягодицу, и когда он прокатывается мимо, я единственная показываю ему средний палец, получая в ответ похабную ухмылочку.

Вот козёл.

Неожиданно я чувствую себя неуютно, ощущая будто чей-то взгляд, и, повернувшись направо, ловлю на себе внимание их тренера. Мы совсем рядом с их скамейкой, нас разделяет разве что тонкая прозрачная пластиковая перегородка. Райли развалился на стуле и расслабленно наблюдает. Так вот

моя реакция на одного из спортсменов его заинтересовала.

Опять этот оценивающий, пристальный взгляд без эмоций. По нему вообще непонятно, о чём он думает. С трудом перебарываю желание снова продемонстрировать средний палец и в итоге лишь красноречиво приподнимаю правую бровь, на что он криво усмехается.

Неужели развеселился? Наши гляделки прерывает продолжительный гудок сирены — игра окончена.

Друг за другом, шеренгой, выкатываемся на лёд. Не могу поверить, что оказалась здесь именно ради этого. Думала, будет трудно полומанными конечностями вспоминать, как правильно двигаться, но нет. Мышечная память берёт своё.

Я ловкая и лёгкая, спокойно переносу вес даже на когда-то травмированную конечность. Правая щиколотка отзывается едва ощутимой тянущей болью, но не больше. Двумя помпонами в руках — белым и зелёным — резво размахиваю в такт громогласной мелодии, умудряясь забрасывать ноги до ушей.

Как только заканчиваем танец, бортики, ограждавшие болельщиков, открываются, позволяя зрителям выйти на лёд. Кругом начинает твориться полный хаос из неловких объятий, а некоторые ухитряются взять интервью у главной звезды вечера. Дважды нас просят сесть на шпагат для фото в университетскую газету.

Когда наконец оказываюсь свободной, вклиниваюсь в поток остальных игроков, покидающих ледовую площадку. Мы

все на коньках, кругом одна толкучка, а проходы слишком узкие, поэтому приходится прижиматься друг к другу.

— С дороги! — грубо отталкивает меня в бок Меллани, и я ощутимо ударяюсь об ограждение большим плечом.

Шиплю от досады, потирая уши, а стерва даже не извиняется. Вместо этого она тут же запрыгивает на руки к своему парню Нику, змеёй обвиваясь вокруг его торса.

Они вроде бы расстались?

Парочка, совершенно не стыдась окружающих, начинает лизаться. Конечно, сейчас самое подходящее время! Пока я предпринимаю тщетные попытки пробраться мимо них, кто-то смачно шлёпает меня по заднице, оставляя обжигающе огненный след.

Оборачиваюсь в бешенстве и вижу перед собой нагло ухмыляющегося Итана Лотта. Очередной самодовольный третьекурсник, к тому же один из самых перспективных игроков. Дружок Ника — такой же охамевший мужлан, мнящий себя чуть ли не королём мира. Дня не проходит, чтобы он не вёл себя как полный придурок.

— И ты не теряйся, малышка, залезай ко мне. С ветерком покатаю, не пожалеешь.

На что он только рассчитывал?

От злости в мгновение ока теряю контроль и остервенело швыряю ему в лицо первый попавшийся предмет — мягкий помпон. Он слишком лёгкий, но эффект внезапности играет главную роль. Двухметровый здоровяк удивлённо отшатыва-

ется назад, неуклюже приземляясь на задницу, и увлекает за собой новичка команды вместе с чирлидершей Рондой.

Однако конфликт потухает, так и не успев разгореться. К нам подходит молодой тренер, разгоняя зевак одним угрожающим видом, и быстро приводит в чувства всех хоккеистов. Испуганный Ник вытягивается в струночку, грубо скидывая со своей шеи недовольную подружку, а Итан поспешно поднимается с пола.

Я же чувствую себя разъярённым быком в загоне, который, ничего не замечая вокруг, готов рвать и метать. Если бы не вмешательство их надзирателя, клянусь, вытворила бы такое, за что потом могли бы отчислить.

Строгий Райли мрачно осматривает нашу компанию тяжёлым взглядом:

— Лотт? — пугающе спокойно спрашивает он голосом, от которого мурашки бегут по коже.

— Да, сэр... Простите, сэр, — мямлит громила, опустив глаза в пол, словно виноватый щенок.

Это выглядит нелепо: великан весь съёжился под подавляющим авторитетом парня, который ниже его на полголовы. Тем не менее что-то во мне заставляет на интуитивном уровне трепетать и помалкивать.

— Нафига ты у меня его просишь? Что я говорил вам про дисциплину? Меня хоть кто-то из вас, остолопов, слушал?!

— Да, сэр.

Пока мы выясняем отношения, все посторонние успевают

разойтись. Даже Ронда с Меллани ретируются, не желая попасть под горячую руку. Остаются лишь хоккеисты, которым не повезло вовремя покинуть проход.

— Тогда какого...

Он совсем не орёт, но от его интонации по спине пробегает холодок, и на загривке начинают шевелиться волосы. Майк шумно выдыхает, затыкаясь на полуслове, и сжимает руки в кулаки так, будто с трудом справляется со вспышкой гнева. Но всё же ему удаётся обуздать себя.

— Видимо, вам было мало лекций. Значит, мы ещё вернёмся к вопросу дисциплины. А пока, Итан, будь так любезен, извинись перед девушкой.

— Но я же...

Всего одного движения руки мужчины хватает, чтобы тот замолчал.

— Она сама...

Не выдерживаю и порываюсь подойти к козлу, но меня лишают возможности выплеснуть накопившийся гнев и усталость. Твёрдая, тёплая ладонь хватает под локоть и слегка отстраняет, отесняя к себе за спину.

Это что-то неожиданное. Тот самый Райли, которому ещё вчера я нагло нахамила, назвав при всех придурком, заступается, продолжая удерживать.

В отличие от остальных парней (а может быть, на контрасте с ними) он пахнет просто потрясающе. Я почему-то перестаю слушать и теряю нить разговора, замороженная нена-

вязчивым, приятным, пряным ароматом мужского лосьона с древесными нотками. Такой чертовски холёный.

Когда осознаю, что его прикосновение слишком приятно, даю себе мысленную пощёчину и резко вырываюсь, становясь вновь отдельной единицей. Моя голова вновь включается, когда Майк и остальные внезапно снова вспоминают, что они не одни.

— Я считаю, ты обязан проявлять уважение к каждому, независимо от того, во что он одет и как себя ведёт, — и в особенности будь вежлив с титулованными спортсменами. Двукратная чемпионка Олимпиады, защитившая единолично честь страны, не заслуживает столь пренебрежительного отношения.

У меня отвисает челюсть от изумления, и рот приоткрывается из-за возмущения. Зачем он так? Для чего? Мне не хотелось, чтобы окружающие знали подробности, я максимально старалась не светиться. И без рекламы хватает лишнего внимания. К счастью, не весь мир ещё знаком с моими достижениями. В какой-то момент залечь на дно стало единственным условием для спокойной жизни, но в очередной раз всё коту под хвост.

Парни под впечатлением бросают косые взгляды, приди к каким-то определённым выводам. Это конец. Завтра новость разлетится по всему университету, как бубонная чума в Средневековье. Пока Итан затравленно смотрит в мою сторону, Ник просто пожирает глазами исподлобья. Мы нико-

гда с ним не ладили.

Так неуютно чувствую себя, что интуитивно хочется убежать или сжаться. Будто муха под микроскопом, начинаю паниковать, и единственный ответственный за происходящее стоит рядом. Решаю обратить на него всю свою ярость и испепеляю взглядом его затылок.

— Ну, я жду! — почти рычит Майк, кивая на меня, и лишь тогда Лотт делает то, что от него требуют.

— Прошу прощения, я поступил неуважительно по отношению к тебе. Мне жаль.

Звучит совершенно неискренне, скорее испуганно. Всё, абзац. Не успею покинуть арену, как на меня навалится их слепой гнев, будто волна цунами.

Райли грациозно поворачивается, видимо ожидая, что я тоже что-то отвечу. Чтобы поскорее закончить экзекуцию, цежу сквозь стиснутые зубы, мысленно продолжая убивать именно того, кто начал эту войну:

— Ничего страшного.

— Прекрасно. В таком случае расходимся. Спектакль окончен, больше не на что смотреть.

И, обойдя нас, он просто уходит как ни в чём не бывало.

— Чемпионка, значит, — интригуяще шепчет мне на ухо Ник, обжигая дыханием шею, когда проходит мимо.

Смотрю на него и на остальных, что продолжают пялиться. Голова начинает кружиться, и я срываюсь со всех тормозов. Дёрнувшись, стремительно направляюсь за болтливым

ублюдком. Ощущение такое, будто каждый мой шаг способен оставить вмятину в полу.

Всё ещё на коньках я чувствую себя значительно из-за прибавки в росте, но даже с ними оказываюсь ниже, когда догоняю изящную скотину в тёмном коридоре вдалеке от посторонних глаз. Майк едва успевает открыть дверь кабинета, когда резко разворачиваю его, прижимая к стене.

— Какого чёрта вообще?! — в бешенстве шиплю прямо в лицо, а этот сукин сын открыто скалится.

Он полностью расслаблен и спокойно реагирует, великодушно позволяя слегка ударить себя о стену и схватить за лацканы дорогого пиджака. Полные губы расплываются в издёвке. Его беспечность злит, я почти готова вцепиться прикурку в глаза. Вероятно, уловив это намерение, Райли ловко перехватывает мои запястья.

— Тише, тише.

— Да как ты смел... Мерзавец! — теперь моя очередь остервенело вырываться из хватки.

Бьюсь безрезультатно, словно в оковах, вызывая его грудной смех. Правда, недолго. Оба резко успокаиваемся, когда я толкаю его гораздо сильнее, впечатывая в каменную кладку, и выбиваю дух.

Мы вместе замираем с тяжёлым дыханием, но парень по-прежнему продолжает чему-то радоваться. Его тёплое дыхание опалает мне лицо, раздувая выбившиеся из хвоста пряди.

Официально заявляю: это преступление — быть настолько привлекательным, будто модель с обложки. Точёные, аккуратные черты, волевой подбородок, острые скулы и вдобавок ярко очерченный, выразительный рот. Какой-то неправильный хоккеист. Они не должны быть настолько сладенькими. Обычно это грубая, чисто мужская красота, груды мышц и сломанные носы, а у него, помимо всего прочего, ещё и пижонская серьга в ухе.

— Успокоилась?

От звука его голоса вновь наполняюсь агрессией.

— Ты!

Он опять кривит губы от моего чересчур эмоционального упрёка, но, вовремя спохватившись, облизывает и поджигает их. Догадываюсь почему: наверное, со стороны я похожа на рассерженного тушканчика — всё из-за незначительных габаритов. Однако недооценивать меня неправильно. Антон и Хана тоже не в полной мере осознавали степень моего гнева. Так хочется рвать и метать от его насмешек, но длинные пальцы, с силой сжимающие оба запястья, быстро отрезвляют.

— Какая ты дикая.

— Ооо, ты не представляешь насколько.

— Представляю. Удивлён, как тебе вообще удалось дотерпеть до укромного уголка.

Не выдерживаю и предпринимаю очередную попытку вырваться, но быстро сдаюсь, когда понимаю, что не в состоя-

нии ничего сделать: он гораздо сильнее. Но не имея возможности драться, я по-прежнему могу жалить словом, поэтому безвольно расслабляюсь в его объятиях, злорадно оскалив зубы.

— Да, просто не хотела при всех втаптывать твой и без того жалкий авторитет в грязь.

Майк прижимает меня ближе во избежание резких движений, и его рот растягивается в не менее жестокой и слащавой улыбке. Мы почти трёмся носами и сверлим друг друга взглядами, находясь на пике злости.

— Не думаю, что тебе бы удалось, Танон.

Это слишком.

То, что происходит, ощущается чересчур интимным. До нас доходит эта мысль одновременно, и наконец наш цепкий комок конечностей ослабевает. Райли отпускает, и я отскакиваю от него.

Ему известно, кто перед ним. Он всё знает, и причина благородного поступка становится очевидна — всему виной влияние моего отца. Как и остальные, лстивый подхалим готов пресмыкаться перед легендой и угождать. Решил, что я беспомощная и нуждаюсь в защите? Только вот чёрта с два!

Думаю, именно мой пренебрежительный взгляд, полный отвращения, оскорбляет его больше всего, и темноволосый наконец приосанивается, поправляя на себе пиджак. Его лицо на глазах становится суровым и пустым. Буквально вижу, как он надевает маску беспристрастности.

— Только не обольщайся на свой счёт. То, что там произошло, было сделано не для тебя, а для парней из команды. Это наши с ними дела.

Вдруг в коридоре появляется кто-то посторонний, и я понимаю, как двусмысленно мы, возможно, выглядим со стороны. Полуголой чирлидерше не место рядом с тренерской.

Презрительно фыркаю, не переставая украдкой поглядывать на уборщика, который и сам не в восторге от того, что стал невольным свидетелем наших разногласий.

— Прекрасно! — язвительно выплёвываю в лицо отныне ненавистному мне мужику и, круто повернувшись так, что даже волосы подпрыгивают, ухожу.

Конечно, какое ему дело до моих чувств и жизни? Теперь после его вмешательства я снова стану эпицентром слухов и частью самых горячих сплетен во всём Мичигане. Будто для полного счастья только этого и не хватало.

Глава 5

Майк:

Ну и характер.

Почему-то всё никак не могу выкинуть из головы ту нашу перебранку с этой мисс Америка, которая словно дикая кошка вцепилась мне в горло. Маленький демон.

Не знаю, что конкретно меня в ней зацепило. Обычно я не выношу таких, хотя они редко попадаются. Вся из себя чемпионка и мастер своего дела, спустившая одномоментно в унитаз будущее всего фигурного катания страны на ближайшие три года. Избалованная принцесса, рождённая с золотой ложкой во рту. Долбаная эгоистка, которой плевать на жизнь окружающих.

Терпеть не могу этот типаж!

Кейт Танон — дочь известного в широких кругах Конрота Танона, легенды хоккея. На него всего каких-то лет десять назад поголовно молились все фанаты игры на льду. Готов дать руку на отсечение, что девчонке с юности было достаточно похлопать своими синими глазищами — и тут как тут она получала желаемое. Я же всего добивался исключительно сам, не имея возможности попросить влиятельного папочку устроить единственного сыночка в сборную.

В целом у меня замечательные родители — Лора и Дин Райли, да и вся семья у нас просто невероятная. Большая

и дружная. Я всегда мечтал стать таким же, как папа — самым настоящим главой. Дин Райли — успешный рабочий из Нью-Хэйвена, лет тридцать назад открывший частную фирму с другом на пару. Усердный и честный человек, но, к сожалению, на строительстве оказалось сильно не заработать. Слишком много в том районе конкурирующих крупных магнатов, которые в основном отбирают большие и прибыльные заказы. В результате отец довольствуется малым: изготовлением небольших декоративных беседок, пристроек и сараев.

Родители живут в тихом, спокойном, почти безлюдном районе, где на мили лишь изредка встретишь единственного соседа, зато в просторном коттедже. Их мечта, чтобы мы всей семьёй собирались там на праздники: папа с мамой, сестра с мужем и целая толпа шумных детишек.

Лора Райли — удивительно добрая женщина. Они с отцом поженились через неделю после знакомства. Кто-то может посчитать, что это слишком спонтанное решение — тем более им было всего по двадцать лет, но родители поступили по-своему, наплевав на общественное мнение.

Счастливые и влюблённые, они прожили в браке уже около сорока лет, а я, наивный дурак, было поверил, что так у всех может быть. Но оказалось, что нет. Нам с сестрой не повезло, как им. Джинни старше на восемь лет, ей тридцать шесть, и два неудачных замужества за плечами. Из каждого взбалмошная и неугомонная сестрёнка вынесла не один урок, но и по ребёнку. Своих племянников я обожаю всей

душой и признателен судьбе за их появление на свет. Благодаря им у меня есть возможность хоть кому-то дарить любовь и заботу.

Моя история ещё тоскливее, чем у Джин. Воспоминания причиняют слишком сильную боль, поэтому я с тревогой заталкиваю страшные образы минувших событий поглубже. Нет, не могу. Понимаю, что веду себя как самый настоящий трус, но это слишком больная тема.

Тренировка только закончилась, и парни, еле переставляя ноги, тащатся в раздевалку.

Какой позор. До чего же докатились «Мичиганские Спартанцы». Неудивительно, что ректор университета просил за меня. Эти ребята не побеждали ни в одном чемпионате с восьмьдесят шестого. Расхлябанные из-за отсутствия должного внимания и хорошего руководителя. А хуже всего то, что они не уважают спорт, как и самих себя.

Понятия не имею, что большинство из них делает на льду. Однако команда здесь, как и я. Уже семеро игроков покинули состав исключительно из-за агрессии или грубости по отношению ко мне, их новому наставнику. Оставшиеся ничуть не лучше, но они, по крайней мере, опасаются вылететь. Перспективы хоккейного спорта вгоняют в тоску. У меня достаточно опыта, чтобы понять потенциал спортсмена, но среди собравшихся я не вижу ничего выдающегося. Чётко представляя, какими качествами должны обладать истинные победители и достойные атлеты, могу сказать одно: по-

добными качествами они не обладают.

Капитану «Спартанцев» не хватает профессионализма и твёрдости. Парень больше красуется, чем играет. Рег Данкан и Ларри Хей задержались разве что от безделья, а Итан Лотт слишком несдержан и велик. Как слон в посудной лавке — неспособный управлять своими габаритами, постоянно забывает включать голову во время игры. Только и умеет, что давить противника.

Не уверен, что из них получится слепить что-то путное, но отступать поздно. Раз взялся, значит, обязан довести дело до конца.

Как же я до этого докатился?

Никогда не думал, что в свои двадцать восемь должен буду забыть о блестящей карьере центрального нападающего и стать тренером. Во мне непроизвольно возникают чувства стыда и негодования, усиливая раздражение, поэтому с особым рвением устраиваю парням головомойку, не забывая указать каждому на их косяки.

Знаю, что много требую, но иначе никакого прогресса не добиться, развития не будет. На высокой ноте выплёвываю последнее замечание и стремительно ухожу из раздевалки. Шумно хлопнув тяжёлой двойной дверью, оставляю щенков перебивать мне косточки, чем они, несомненно, займутся.

Всё свободное время прячусь в личном кабинете — единственном месте покоя в этом шумном и ужасно суетливом храме науки. Моё убежище, совсем крошечная комнатка,

полностью обустроенная согласно моим собственным предпочтениям. Никогда не любил излишества и кричащую вычурность — гораздо уютнее, когда так. Открытое пространство в шесть квадратов, старый кожаный диван у стены, небольшой стол и два удобных откидных стула. Убого, под стать ситуации и моему новому положению. Я не переносил сюда кубки или какие-либо другие награды — не могу на них смотреть, а команда пока не получила ничего, что можно было бы поставить на полку. Поэтому обшарпанные тёмно-серые стены пустуют.

Устало падаю в своё кресло и со стоном выдыхаю скопившееся напряжение, радуясь, что спина наконец может отдохнуть. Всё давно должно было зажить, но до сих пор временами я ловлю отголоски фантомных болей старой травмы. С остервенением прикусываю нижнюю губу до металлического привкуса крови во рту.

Не стоит. Длительный курс обезболивающих уколов пройден, дальше не рекомендовано продолжать. Я уже чувствую привыкание к сильному препарату, которым запрещено злоупотреблять. Повторное применение допустимо лишь в экстренных случаях, например при сильном ударе или других чрезвычайных обстоятельствах. Сейчас объективной потребности в них нет, но сильно тянет повторить приём — ведь только с ними мне удаётся расслабиться.

Решив отвлечься, резко наклоняюсь вперёд и достаю телефон, чтобы набрать номер секретаря отдела кадров универ-

ситета. Мне ненавистна одна мысль, но я действительно проявил чересчур много строгости при отборе в команду. Для минимального состава не хватает ещё двоих, и это в том случае, если никто из старичков не решит всё бросить и тем самым подвести остальных.

Нам нужны игроки, и я даже знаю кто. Пишу в официальном письме сразу три имени и прошу пригласить их в кабинет на собеседование. Попробую ещё раз к ним присмотреться. Двое оказались не так плохи в игре — просто ещё слишком неопытны, с ними можно работать, но придётся много трудиться, очень много. А третий — большой чёрный парень, кажется, друг той самой Кейт Танон. Они вместе ошивались, и девчонка с него глаз не сводила.

Не знаю, как такое возможно, но на первом прокате, по моему мнению, он был безнадёжен. На коньках стоял неуверенно, словно впервые вставший на ноги телёнок. Физическую силу прикладывать боялся, как и случайно задеть кого-то. Неженкам не место в хоккее. Но потом на показательной игре парень блестяще проявил себя. Казалось, будто игрока подменили — перед нами был другой человек. Он двигался стремительнее многих ребят из основного состава, а его бросок — это нечто. Думаю, стоит попытаться с ним счастья. До зуда в черепушке хочется узнать, как мальчишка за столь короткий срок добился таких результатов.

Не проходит и пяти минут, как студенты уже выстраиваются в очередь, ожидая, когда их пригласят войти. С удовле-

творением отмечаю, что они хотя бы культурные — и на том спасибо. Первых двоих — Сиды Янга и Теда Хоуа — беру сразу, не забыв напомнить, что с авансом и я, несомненно, ещё присмотрюсь. Предупреждаю о работе на износ, но те соглашаются. Эрика мариную дольше остальных.

Думаю, он и без пояснений успевает догадаться, что места в команде заняты, и не сильно обольщается, когда приходит его черёд. Высокий и худощавый, словно Коби Брайант — всемирно известный баскетболист. Даже понять не могу, почему именно хоккей ему приглянулся.

В отличие от остальных с ним мне почему-то не хочется быть резким и строгим. Мальчишка, несмотря на свои габариты, в душе будто щенок ретривера — одни грустные глаза чего стоят.

— Простите, мистер Райли, вызывали?

— Да, проходи, садись.

Указывая на стул для гостей, приглашаю его, а сам присаживаюсь рядом на край стола. Громила с трудом умещает свои коленки и выглядит комично — будто долговязый подросток, который залез в своё детское креслице.

— Итак, — уверенно прочищаю горло, пока тот сверлит меня взглядом снизу вверх.

— Догадываешься, зачем тебя вызвали?

— Сначала думал, чтобы провести ещё одно собеседование по поводу вступления в команду. Я предполагал, что со второй попытки произвёл на вас впечатление, сэр, но, види-

мо, нет.

— Почему нет?

— Ну, состав уже полный. Те парни сказали...

Твёрдо и немедленно останавливаю этот поток невнятно-го лепета, чувствуя себя самой настоящей скотиной из-за того, что приходится демонстрировать превосходство и специально заставлять парнишку нервничать. Он неплох, не конфликтный и не нахальный, хотя ему есть чем гордиться. Поэтому я быстро меняю тактику на более непривычную. Мы не враги, и от него мне кое-что нужно.

— Так, у меня к тебе есть всего один вопрос.

— Да, сэр.

— Как ты это сделал?

— Эм... А? Простите, но что конкретно вы имеете в виду? Я вас не понимаю, — мямлит Эрик, нервно растирая ладони, и смущённо отводит взгляд.

Естественно, он не понимает. Но почему мне приходится всё всем разжёвывать? Тяжело вздохнув, набираю побольше терпения.

— Твоя форма. В первую игру она была из ряда вон обратительная. Слабые ноги, неуверенная игра. Как за меньше чем месяц ты успел проделать над собой такую работу?

— Эм... Я?

Ничего себе, оказывается, у него есть тайна, да ещё и не из приятных. Сомнения вместе с сожалением мелькают в тёмно-карих глазах. Он не решается сказать, и мне начинает ка-

заться, что он вот-вот сорвётся с крючка.

Ну уж нет, нельзя упустить эту великолепную возможность. Я должен узнать, как из абсолютного полена за столь сжатые сроки можно сделать нечто подобное.

Парень раздумывает, терзаемый сомнениями и внутренними противоречиями. С трудом переступаю через собственную гордость и делаю то, что никогда раньше не смел: пытаюсь подкупить, усыпив бдительность сладкими речами.

— Доверься мне. Хочу, кстати, добавить, что ты действительно хорош и, несмотря на то что команда набрана, я в состоянии найти местечко ещё для одного игрока.

На совсем ещё юном лице мелькает призрачная надежда, из-за чего я чувствую себя последним мерзавцем, который дурачит ребёнка. И пока тот судорожно пытается разглядеть во мне какие-то скрытые помыслы, я с трудом выдавливаю самую что ни на есть невинную улыбку, и он сдаётся.

— Ладно... моя подруга.

— Что, прости? — удивлённо переспрашиваю, не веря в услышанное, и паренёк тяжело вздыхает, готовясь к исповеди.

— Помните, перед показательным состязанием мы разминались около трибун? Я был не один. Моя подруга — Кейт. Она...

— Национальная чемпионка, насколько мне известно.

— Да.

— Но по фигурному катанию? Или я чего-то ещё не знаю?

— Нет, — тепло усмехается Эрик, и при одном упоминании о девчонке его лицо проясняется.

— Она... профессионал. Практически всю сознательную жизнь простояла на коньках. Была и одиночницей, и в паре выступала, даже какое-то время занималась шорт-треком. В общем, знает, как устроена изнанка. Кейт подтянула меня, показала пару финтов, раскрыла некоторые секреты, которые помогают для передвижения.

Поверить не могу. Ну почему именно она?!

Мелкая зараза.

Обычно девушки ведут себя иначе. Раньше, когда я был подающим надежды молодым и перспективным хоккеистом, они табуном кружили рядом. Но к их огромному разочарованию моё внимание сосредоточилось исключительно на тренировках. Я был с головой погружён в спорт, но единственной, кто смогла преодолеть стену непроницаемой отчуждённости, стала моя, уже бывшая, жена Лидия. Она незаметно и легко подобралась так близко, залезла под кожу — и в моей жизни появилось что-то важнее игры. У нас всё складывалось благополучно до определённого момента, или, возможно, я был попросту наивным. В конечном счёте травма стала причиной окончательного разрыва, и в итоге я потерял всякую веру. После пережитого внутри появилось больше холодности и сдержанности, которые, как оказалось, отпугивают женщин. И те не пытаются бесцеремонно вторгаться в личное пространство и демонстрировать себя как выставоч-

ный экспонат. А Кейт... Горячее самого выдержанного и дорогого виски, вдобавок ещё и взрывной темперамент.

Раздражённо прикусываю щёку изнутри, а руки прячу в карманы брюк, чувствуя некоторую скованность и напряжение в плечах. Не хотелось мне во всё это лезть, но, видимо, придётся. Раз иначе никак.

— Я понял тебя. Значит, вот как мы поступим: устрой нам встречу. Думаю, ты как никто другой способен повлиять на свою подругу. Хочу побольше узнать о методике её работы, и если всё пройдёт удачно, то место в команде — твоё.

Специально не говорю ничего конкретного. Не уверен, выгорит ли вообще задумка. Мальчишка утвердительно кивает, до неприличия счастливый. Похоже, уже считает, что позиция в первом составе его. Посмотрим ещё. На данном этапе у меня другие заботы.

По итогу жестом приказываю Эрику подняться и аккуратно выпроваживаю, слегка приобняв за плечи.

— Давай тогда сегодня, после занятий в шесть, жду её на крайней трибуне. И ты приходи — у парней тренировка, покажешь ещё раз, на что способен.

— О, как здорово! Благодарю! — восхищённо шелестит долговязый, уставившись на меня с открытым ртом.

Добродушно киваю, раз за разом неумело принимая благодарности, но стоит ему оказаться вне кабинета, как дверь перед ним закрывается.

— Фух! — шумно выдыхаю, прижимаясь к ней всем те-

лом.

Ненавижу вести переговоры. Мне не следовало становиться тренером. Не понимаю, как такое вообще могло произойти. Отныне вместо того, чтобы участвовать в динамичной игре, мчаться по льду на всём ходу, ведя шайбу, я должен смотреть на игру со стороны и наставлять зелёных, бесперспективных юнцов, которым больше интересны горячие болельщицы и то, что у них под юбками. Пустышки тупоголовые — одним словом.

Чёрт, хватит предаваться унынию и самобичеванию. На это будет ещё целая жизнь. Сейчас необходимо разобрать огромную кучу бумаг и рассмотреть кандидатов на место диетолога команды и второго тренера. С десятков резюме лежит на столе, и каждое из них даже с большой натяжкой не соответствует моим личным требованиям.

Линда Пакорт — слишком юная. Том Бред — явно недостаточный уровень понимания того, что представляет собой настоящий хоккей. Бывший инструктор по йоге и мастер спорта по самбо. Ну и какая польза от этих навыков? Последний — Кай Донован. При виде фото на личном деле тут же ощущаю резкий прилив раздражения и откровенной ненависти. Престарелый мужчина, знакомый мне с ранних лет. Единственный из всех претендентов, кто имеет опыт в качестве тренера. Скорее всего, рассчитывает забрать должность, но добьётся он её разве что через мой труп.

Правительство на законодательном уровне обязано запре-

тить подобным мясникам подходить к катку ближе чем на расстоянии выстрела. Этот фантастический человек способен вызвать неприязнь к хоккею у кого угодно, включая самых преданных фанатов игры. Боюсь предположить, сколько мальчишек он поломал в попытках реализоваться за чужой счёт. Я был одним из них. Никогда не забуду его отвратительную манеру называть нас бездарностями и наказывать лишними часами одиночных занятий.

Донован вынуждал учеников принять, что ничего из них не выйдет, а потом удивлялся, почему так оно и происходит. С холодным остервенением отшвыриваю его досье.

Нет, нужно отвлечься. Подумаю об этом позже.

Тренировка почти подходит к своему завершению. Развалившись на трибуне около главного входа, чтобы не упускать из виду ни игроков, ни посторонних визитёров, в сотый раз бросаю беглый взгляд на наручные часы. Половина восьмого, а наглой пигалицы всё нет.

Эрик катается на льду словно сам Брайан Лич, и только поэтому я ещё не наорал на него и не выгнал вон. Парнишка зашёл ко мне перед тренировкой и первым делом сообщил, что его девчонка ответила согласием на моё предложение. Но что в итоге? Я как дурак полтора часа жду её, уже весь изошёлся.

— Чёрт! — с силой сжав челюсти, засовываю руки в карманы большой спортивной куртки с логотипом Мичиганско-

го университета и закатываю глаза, закинув ноги на спинку впереди стоящего кресла.

Ненавижу ждать. Я ужасно нетерпелив, признаю, но понимание собственных слабых сторон не помогает в их устранении. Хочется из кожи вон лезть.

— Келли, ты что, ослеп?! Смотри за игрой и перестань дурака валять! — не сдержавшись, ору на первого попавшегося, чей косяк бросается в глаза.

Как раз в этот момент двери шумно открываются, и тяжёлые шаги приближаются. С кривой усмешкой самодовольно хмыкаю, отмечая, что высокомерная нахалка Танон всё же соизволила удостоить нас своим присутствием, но внешне не реагирую, когда она внезапно вырастает прямо передо мной — до смешного нелепая.

Складывается ощущение, будто одежда на ней с чужого плеча и совершенно не подходит. Мешковатые бриджи цвета хаки из-за низкого роста сидят как клоунские, объёмная чёрная футболка с агрессивным логотипом рок-группы восьмидесятых и огромный не по размеру портфель. Не представляю, зачем она так ужасно наряжается и что хочет этим доказать. Весь её внешний вид откровенно пугает неформальностью. Даже поза вызывающе дерзкая и открытая, но руки она всё же прячет в карманах.

Пронзительные голубые глаза на миловидном личике смотрят в наглом ожидании. Тем не менее Кейт предпочитает молчать и не выступать инициатором разговора. Первым

признаю поражение и устремляю на неё утомлённый взгляд.

— Ты опоздала.

— Ничего страшного, — бросает маленькая язва, но быстро опускает голову, будто вспоминая о чём-то. Её спесь куда-то улетучивается после того, как она вглядывается в игру.

— У меня были внеурочные занятия. Раньше освободиться просто не получилось.

Из всего сказанного делаю один вывод: мне абсолютно ничего неизвестно о ней. Что девчонка вообще делает в университете, на кого учится? Я почему-то самонадеянно решил, будто она всегда свободна, но, судя по уставшему виду, сильно просчитался.

— Ну, чего хотел? — нетерпеливо спрашивает брюнетка, поторапливая, а я и не заметил, насколько глубоко погрузился в себя.

— Окей, давай без прелюдий, — с неохотой приступаю к делу, и Танон тут же с издёвкой кривит губы.

Демонстративно закатываю глаза в ответ на её детскую реакцию.

— Да, не любите вы, мужики, тратить время на подобные мелочи. Здорово, что я тоже не фанатка лишней возни. Давай ближе к делу. У меня есть ещё как минимум сотня других более важных дел, чем тусоваться с тобой.

Какая занятая. А ей палец в рот не клади — по локоть откусит.

— Хорошо, как ты это сделала?

— Что именно? Нашла сюда дорогу? — не понимая, строит невинное лицо мерзавка.

— Нет... прекращай уже, — отчитываю, и та тут же тяжело вздыхает, теряя весь свой воинственный настрой.

— Как ты сделала из своего парня нового Брайана Лича всего за месяц?

— Кого? — вытянувшись в лице, переспрашивает Кейт и потерянно вертит головой.

Господь всемогущий, у неё внимания не больше чем у младенца. Трудно придётся.

— Что из сказанного мною ты не поняла? — терпеливо и ровно переспрашиваю, но девчонка внезапно выходит из себя.

— Эй, я не идиотка, и не нужно говорить со мной как со слабоумной. Это из твоего рта звучит какая-то хрень. Эрик мне как брат, я о нём с шести лет забочусь, и, кстати, я понятия не имею, кто этот твой Бриан Линч. Плевать на него хотела.

— Брайан Лич — кто-то вроде твоего отца, бог хоккея.

— Так! Давай проясним сразу: осведомлённости в вашем спорте у меня не больше, чем у обычного жителя Танзании. А что касательно формы Эрика... Мы просто немного позанимались с ним, ничего особенного.

— Откуда тогда такие познания, несмотря на полное отсутствие интереса? — с подозрением спрашиваю и в ответ слышу на удивление неискренний низкий смех. Девчонка

сердито облизывает губы и нервно покусывает.

— Скажу прямо, у меня сильная база. Ты не хуже других знаешь обо всех моих успехах, а лёд он для всех одинаково суров.

Поверить не могу. Она вроде бы говорит логичные вещи, но я до сих пор не понимаю, какое отношение фигуристка имеет к игре? Хотя, если задуматься, в сказанном есть доля истины. Любой спортсмен её уровня должен иметь фантастическую физическую подготовку, и если этим занимаешься с пелёнок, то естественно набираешься драгоценного опыта.

Она мне нужна, нужна университету, и, как бы ни хотелось признавать, Кейт бесценна. Такой шанс выпадает не каждый день, а учитывая имеющиеся ресурсы, найти нужные рычаги давления на неё будет несложно.

Приходится приложить усилие, иначе я буду звучать слишком требовательным и отчаявшимся засранцем.

— Ладно, мне необходимо, чтобы ты сотворила то же самое со всей остальной командой. Поработай с ними, приведи в божеский вид.

— Э-э, нет. Ты глухой, что ли? Я же только что сказала, что ничего не понимаю в хоккее, — возмущается Танон и обводит рукой пространство вокруг себя.

Девчонка дело говорит, но, как всегда, самым раздражающим тоном.

Не спеша поднимаюсь на ноги, вырастая перед ней. Слег-

ка наклонившись, нависаю, нагло вторгаясь в её личное пространство. Та немного отстраняет корпус и запрокидывает голову, но не отходит, как обычно делает любой другой нормальный человек, когда на него пытаются давить.

— Если хочешь, чтобы твой дружок играл, ты мне поможешь. Начнёшь проводить занятия два раза в неделю по три часа после пар, затем чаще, если будет от тебя толк. Я намерен сделать из ребят настоящих профессионалов, и ты мне поможешь.

Знаю, что поступаю отвратительно, фактически принуждаю путём шантажа, но другого варианта убеждения у меня нет. Брюнетка не сдаётся, скорее наоборот — продолжает нагло усмехаться, будто не её загнали в угол. Какое-то время просто молчим и сверлим друг друга взглядами.

А она — крепкий орешек. Когда понимаю, что пауза порядком затянулась и моё терпение вот-вот даст трещину, срываюсь.

— Хорошо, — бросаю, отступая в сторону, и, обогнув упрямыцу, решительно иду к хоккейной площадке, но не успеваю сделать и пары шагов, как она резко преграждает мне путь, вцепившись в локоть.

— Стой, — цедит сквозь зубы, старательно избегая моего взгляда.

Про себя упиваюсь редкой податливостью Кейт.

— Зачем? — спрашиваю с искренним недоумением.

— Я...

Как же тяжело ей даются уступки. Чувствую, наше общение обещает быть увлекательным.

— Я не могу... Совсем нет времени из-за работы и дополнительных пар. Давай лучше каждый день по часу до начала занятий.

Вот как — торгуется. А я и предположить не мог, что причина отказа лишь в острой нехватке свободного времени.

Кроме того, Танон работает? Совершенно неясно, для чего. Опять чувствую себя последним мерзавцем. Пока девочка во все глаза таращится, задумчиво запрокидываю голову и прикрываю веки, пытаюсь найти решение.

— Нет, только после занятий. Так КПД выше и посещаемость лучше, а с твоими преподавателями я договорюсь...

— Нет! — грозно, но категорически уверенно перебивает малышка, ставя огромную жирную точку в нашем вопросе.

— Не нужно за меня просить, ни в коем случае. Справлюсь как-нибудь сама.

Обречённо сдаётся Кейт и отстраняется, поудобнее взваливая портфель.

— Я согласна, но при условии, что ты не выгонишь Эрика. Ему действительно нравится играть, да и он будет получше некоторых твоих.

— Потому что готов пахать? — саркастично подмечаю, вспоминая прошлую перепалку, когда она назвала меня идиотом за то, что я отмечаю любых парней, которые не имеют таланта в игре. Хотя ничего подобного я не делал, но в её

словах был смысл.

С серьёзным лицом она кивает.

— Ладно. Приступаешь завтра. И... по поводу работы можешь не переживать. Будешь числиться на полставки у нас в штате.

Уладив нюансы, подвожу черту. Резко развернувшись на пятках, удаляюсь прочь, чувствуя затылком, как та провожает меня взглядом — удивлённым и признательным.

— Надеюсь, за старую подработку ты не так держишься, как за самостоятельность в учёбе.

— Ты сделаешь меня вторым тренером?! — то ли спрашивает, то ли выдвигает условие Танон, испытывая моё терпение на прочность, но я насмешливо бросаю через плечо:

— Ага, размечталась. И чтобы не опаздывала.

Едва расслышав за спиной разочарованное «чёрт», не могу удержаться от улыбки. Немного переборщила и теперь жалеет, что была резковата, но ничего, над её словами ещё подумаю. Тем более её кандидатура всё равно лучше, чем то, что у меня сейчас есть.

— Дилан, стой в воротах и, ради всего святого, постарайся не забывать, что ты вратарь! — молниеносно врываясь в игру, прикрикиваю на парня.

Что-то расслабились они без моего бдительного надзора.

Глава 6

Кейт:

Просто поверить не могу своему счастью. Тренер на полставки — значит, мне не придётся возвращаться в тот задрипанный клуб. Никаких вызывающе обтягивающих костюмов и мерзких стариков, которые так и норовят уговорить тебя на что-то сверх меню. А ещё смогу нормально спать и восстановлю режим.

Честно говоря, я подозревала, для чего будет весь наш разговор, но даже в самых смелых мечтах не представляла, чем он закончится. Когда взволнованный Эрик неожиданно выхватил меня прямо с коллоквиума по истории права, я злилась на него, но друг был так счастлив, что язык не повернулся разругаться.

Его берут в команду. Услышав заветные слова, помню, как воскликнула от удивления. Думала, что после той выходки надутый индюк Райли ни за что уже не позволит, но...

Вдруг это уловка?

Как только абсурдная мысль возникла, внутри всё похолодело. Искренняя улыбка моментально сошла с лица, и я уже в основном скалилась, стараясь не расстраивать товарища. Зачем ещё тогда нам встречаться с их тренером?

Вот чёрт!

Неужели мужик настолько злопамятен, что хочет позло-

радствовать и посмотреть на моё всепоглощающее чувство вины, когда он во всеуслышание объявит, что Эрик не сможет играть исключительно по моей вине?

Задница. Я тянула до последнего с нашим разговором, что ещё хлеще разозлило милашку Райли. Когда на мне остановился его ледяной взгляд, я подумала, что это, видимо, он поддерживает низкую температуру на арене.

Странно, но без костюма и в обычной куртке Майк казался каким-то чересчур юным. И что больше всего в нём потрясло — это профессионализм. Парень не хотел, чтобы перед ним извинялись, и не угрожал тем, что доложит ректору. Вовсе нет. Он, как умел, попросил помощи и даже пошёл на уступки.

Скажу честно, его предложение заинтриговало меня. Никогда не представляла себя в роли тренера, но ведь было нетрудно подтянуть Эрика по физической подготовке. Значит, и с остальными я справлюсь, не так ли?

Только об этом и думаю, нервно разминая мышцы перед первым своим занятием. Спортзал на личной хоккейной арене университета огромный и прекрасно оснащённый. Но, как по мне, он на удивление загромождён бесполезными новейшими тренажёрами. Всё это богатство — щедрый вклад совета попечителей в наши будущие победы.

«Наши?» — удивлённо выделяю промелькнувшую мысль. Я уже почему-то считаю себя частью команды?

Как раз бросаю взгляд на время.

Ребята опаздывают. По наставлению главного я специально пришла раньше, чтобы успеть подготовиться, осмотреться, подписать бумаги и получить пропуск. Райли заверил, что парни осведомлены об изменениях в расписании, но их всё ещё нет, что странно. Я не дура и прекрасно понимаю, какие напряжённые взаимоотношения бывают в таких чисто мужских коллективах. Все хотят показать свой характер и ослиное упрямство. Думаю, поэтому в итоге я дожидаясь лишь пятерых новичков, один из которых хорошо мне знаком.

— Так, ну и где носит остальных? — строго спрашиваю именно его, потому что он точно не сможет мне соврать — в его случае я замечу.

Эрик не спешит открывать рот. Не хочет быть доносчиком, но и увиливать не горит желанием. Упрямо сложив руки на груди, жду пояснений хоть от кого-то из них.

— И?

В ответ — неловкая тишина. Эрик — самый старший среди них. Возможно, поэтому остальные совсем ещё стеснительные и зажатые, опасливо косятся в мою сторону. Вся эта глупая демонстрация безумно злит, но нужно как-то выходить из ситуации. В результате поглубже вдыхаю, набираясь терпения.

— Окей, как хотите. Можете и дальше молчать, но имейте в виду: сейчас я пойду не к вашему тренеру, а сразу к ректору. Попробуем вместе с ним выяснить причины тотальных

пропусков. Пусть он посмотрит на рекордную посещаемость и сделает вывод, нужна ли университету хоккейная команда вообще! — разъярённо бросаю и, порывисто схватив сумку, направляюсь к выходу.

План срabатывает безукоризненно. Не успеваю сделать и пары шагов, как Эрик ловит меня и отводит в сторонку. Друг смотрит, как всегда, умоляюще, вынуждая быстро смягчиться и передумать.

— Эй, эй. Ты чего? — едва шепчет, оборачиваясь через плечо на остальных.

— Какого чёрта, Эрик?

— Ну...

— Ну? — передразниваю, аккуратно усиливая давление.

— О господи, ты же понимаешь, какими неприятностями потом это для меня обернётся? Я и так не в любимчиках у парней.

— Ничего страшного, переживёшь. Объясни, какого хрена?

— Пойми... так получилось, что не все оказались в восторге от новой идеи тренера — заниматься дополнительно с тобой.

— Но вам же специально выделили для этого часы?

— Да, и они предпочли посвятить их самостоятельным занятиям на льду.

— Вот засранцы! — рычу сквозь зубы.

Ну, конечно, раскатала губу — думала, всё просто будет.

Не понимаю, как можно настолько непрофессионально относиться к делу. Если команда действительно хочет хорошо играть в хоккей и побеждать, то почему устраивает забастовки? Капризные, словно дети. Я догадывалась, что без завоевания авторитета не обойтись, но мне просто не дают даже шанса. Ничего, я им ещё покажу. Не с той связались.

— Ладно, плевать, — с новым воодушевлением хлопаю в ладоши, предвкушая грядущее.

Не хотят — их дело, им же хуже. Стараюсь не отчаиваться и всё равно провожу первое своё занятие, пусть и с малым числом присутствующих. Мне есть что предложить: за долгие годы в спорте успела набраться опыта и могу уверенно заявить, что основы везде одинаковые.

Не зверствую поначалу, оценивая парней, но уже через час эти несчастные начинают жалеть, что не пошли на лёд с остальными. Недовольно подмечаю, насколько физически неподготовлены кандидаты — все до единого. Особое беспокойство вызывают слабые ноги. Для того чтобы уверенно держаться на коньках, понадобится их усилить, ну и, разумеется, всё остальное тело. Предстоит много работы.

В итоге отпускаю всех пораньше — мокрые, они еле плетутся, с трудом волоча конечности, и всю дорогу жалобно кряхтят. За собой замечаю, что сама я давно не в лучшей форме и что мне тоже необходимо повесить свою подготовку и стать для них хорошим примером.

Оставшись в одиночестве, не тороплюсь убегать и всё ду-

маю, анализируя, как лучше построить учебный план. Заодно с любопытством исследую отведённое в личное пользование пространство.

В конце зала, вдоль стены, заваленной самым старым хламом и прикрытой тентом, нахожу кое-что из списанного инвентаря для спортивной гимнастики: коня, разобранные брусья, пару батутов и канат.

То, что надо!

Немало времени уходит на то, чтобы расчистить мусор и отделить сломанные снаряды от пригодных. К моему большому изумлению, под всем найденным великолепием оказывается погребено целое множество покрытых пылью огромных зеркал. Тяжёлые, в красивых кованых рамах, они поражают.

С трудом ставлю одно из них и, обтерев, отступаю на пару шагов, с благоговением всматриваясь в отражение. Ведомая непонятным до этого момента чувством, выпрямляюсь перед ним во весь рост и, приняв позу словно самая настоящая балерина, делаю изящное вращение.

Как здорово! Теперь, если не удастся регулярно ходить на репетиции из-за жёстких требований Райли, у меня будет место, где я смогу спокойно тренироваться после занятий. Единственное остаётся предупредить мистера зануду.

Заканчиваю быстро. Перед уходом навожу почти больничный порядок, чтобы не сердить руководство, выключаю свет в зале и иду в тренерскую. Уже позднее время. Меня

со всех сторон обступает полумрак, одни пожарные стрелки горят, указывая направление к выходу. В коридорах полная тишина, кругом ни души — даже уборщики успели сделать своё дело и уйти с миром. Лишь мои шаги громогласным эхом отражаются от стен.

Оставаться последней мне не привыкать. Я наслаждаюсь атмосферой покоя и умиротворения, которая царит в столь неоднозначном месте. Это когда-то стало моим личным правилом: последний на льду — первый на пьедестале. Станным образом одиночество совсем не пугает.

Дойдя до нужной двери, резко дёргаю ручку, и она подозрительно легко поддаётся. Не придавая особого значения, стремительно врываюсь внутрь с твёрдым намерением отыскать ключи от раздевалки. Вдруг неожиданно понимаю, что я не одна, и судорожно вздрагиваю, хватаясь за сердце.

— Срань Господня!

Майк всё ещё не ушёл и не меньше моего удивлён, или скорее возмущён посторонним вмешательством. Он смотрит, как всегда, с раздражением. Хмурые брови кажутся выразительнее, когда на них падают тени от тусклой настольной лампы — единственного источника света в помещении, а черты лица более острыми, придавая парню немного жутковатый вид.

— Какого чёрта ты ещё здесь, долбаный бугимен?

— Вообще-то это мой кабинет. А вот какого хрена тебя сюда принесло на ночь глядя? — монотонным голосом спра-

шивает он, вновь возвращая внимание к бумажкам на столе.

И что кривить душой, мистер зануда прав. Моё присутствие тут не к месту. Но я не позволяю себя смутить. Отныне, я тоже официально числюсь среди сотрудников и вправе находиться здесь столько, сколько сочту нужным.

Справившись с эмоциями, по-хозяйски пересекаю всю комнатуху, направляясь напрямик к небольшому стеклянному шкафчику, обвешанному ключами за его спиной, и сухо выдавливаю из себя:

— Надо.

— И всё? Может, расскажешь тогда хотя бы, как прошла первая тренировка? — злорадно усмехается гадёныш, поднимаясь со своего насиженного места.

Он глаз с меня не сводит, хищно наблюдая. Чувствую его интерес буквально кожей, но продолжаю настойчиво игнорировать, пока самодовольный засранец не появляется прямо передо мной, небрежно прислонившись плечом к тому самому шкафчику, в котором я роюсь.

Разумеется, Райли в курсе, что меня кинули, и намерен злорадствовать — впрочем не дождётся. Я не сдамся: пусть бой проигран, но не война. Невозмутимо веду себя до последнего. Совершенно не собираюсь ему жаловаться или просить о помощи, тем самым признавая свою полную несостоятельность.

Отвечаю на приподнятом настроении:

— Хорошо. Хотя нет, на самом деле всё прошло потря-

сающе. Я многое о твоих парнях успела понять. Думаю, мы сработаемся.

— Правда?! И каким образом ты сделала подобный вывод, учитывая, что они были заняты совсем другим и даже не удосужились прийти?

Ох, эта его нахальная кривая ухмылочка. Стоит на неё взглянуть и мурашки бегут по коже, поэтому стараюсь реже смотреть в ту сторону. Обращаю на него внимание только после того, как нахожу то, что искала.

Райли так смотрит...

Сердце почему-то предательски куда-то проваливается, рождая странное волнение в животе. Сразу становится нетрудно понять мотивы Майка.

Ну уж нет, я не боюсь его и не переживаю, что могу не справиться с возложенными на меня обязательствами.

Всё равно у него слишком красивый рот для парня. Да и он сам весь такой... так бы и лизнула.

Мысли мгновенно переключаются на нечто совершенно иное, отчего вдруг любое смущение, в которое он старательно пытается всех вгонять, улетучивается, и мои губы расплываются в самой коварной на свете улыбке. Райли трезво оценивает ситуацию, потому быстро перестаёт язвить и первым уводит взгляд, шумно сглатывая — так что острый кадык заметно дёргается на открытом горле.

— Ну и что ты задумала? — с опаской спрашивает красавчик, приосанившись.

Какая досада — быстро сдался, даже обидно.

Слегка склоняю голову набок, беззастенчиво продолжая изучать собеседника целиком. Мускулистые плечи обтянуты белой рубашкой, пиджака нет. Тот скинул его на диван и ослабил манжеты, закатав рукава, из-за чего теперь выглядит менее претенциозно. Сильные поджарые предплечья манерно сложены и выставлены напоказ — словом, как и жилистая шея. Широкая грудь, узкая талия — да он прямо эталон. Думаю, там под одеждой тоже всё в порядке.

— Спокойно, дорогуша, не трясись, — сладкоголосо поддразниваю и подаюсь ближе к нашему любителю вторгаться в личное пространство, пока между нами не остаются считанные миллиметры.

Кажется, я даже ощущаю жар, исходящий от его сильного напряжённого тела, и брутальный, уже такой знакомый, но по-прежнему ненавязчивый запах. Он мягко обволакивает, затуманивая мозги.

Забавно, но я давно преодолела все внутренние барьеры — они оказались препятствием на пути к спортивным успехам. Когда ты работаешь с кем-то в паре (будь то балет, фигурное катание или любые другие танцы, требующие тесного контакта с партнёром), вы должны объединиться и стать идеальным тандемом, одним организмом. Обязаны забыть о том, что разного пола, и перестать стесняться прикосновений. Кому нужно глупое жеманство, если человек просто нанесёт тебе непоправимую травму, когда постесняется пой-

мать при поддержке? Так что меня где только не трогали — иной раз совершенно незнакомые парни. И этот чудила ничем особенным не удивит.

— Я лишь хочу научить твоих мальчишек дисциплине и не более того, — наконец договариваю, выдержав достаточно долгую паузу, чтобы проследить за его реакцией. Кожей лица чувствую, как судорожно выходит скопившийся воздух из лёгких Майка.

Ого, впечатляет.

— Вот.

Невинно протягиваю ключ, другой, такой же, оставляя при себе. Они от решётки, за которой хранится амуниция в раздевалке. Обычно та вечно раскрыта нараспашку — никто не ворует в университете, да и прошлые тренеры явно были не против того, чтобы давать студентам дополнительную возможность заниматься внеурочно.

Парень только рад отвлечь внимание. Он подбрасывает выданную вещицу в воздух и тут же ловит, сжимая в кулаке, и плавно ускользает от меня обратно к себе за стол.

— Хорошая задумка научить их ценить право выхода на лёд. Поддерживаю.

Оставшись без внимания, впервые с пристальным интересом оглядываюсь вокруг, и масштабы трагедии шокируют.

Да он чокнутый перфекционист.

— Что? — неожиданно оскорблённо спрашивает Райли, чем опять заставляет меня вздрогнуть.

Вытянувшись в струнку, делаю вид, будто не понимаю, о чём он. Это моментально выводит его из себя, судя по морщинке на лбу и сжатой челюсти.

— Нет, ничего. Просто... миленько у тебя тут.

— Ты смотришь так, будто попала в подвал к маньяку. Я здесь, как и ты недавно, ещё не успел обжиться. Всё содержимое осталось от прошлых владельцев.

Враньё, наглое и притом до смешного очевидное. Я знаю наверняка, что он на новой должности достаточно долго и если бы хотел, то уже сделал бы перестановку или добавил хоть что-то для уюта. Но нет. Кабинет и вправду напоминает убежище серийного убийцы, но не потому, что стены обшарпанные, а из-за жуткой тотальной чистоты. Нигде ни пылинки, ничего лишнего или говорящего о хозяине комнаты. На столе все бумаги, ноутбук, телефон и даже ручки лежат идеально ровно — ни на градус не отклоняясь от матрицы. У нормального мужика не бывает такого порядка. Разве что у того, кто мучается от переизбытка свободного времени, и в конкретном случае хорошая привычка превращается во что-то патологически нездоровое.

Демонстративно провожу двумя пальцами по верхней панели шкафчика в надежде наткнуться хотя бы на пыль, но, естественно, они остаются кристально чистыми — даже возможно чище, чем были.

— Хорошо, — чересчур поспешно и беспрекословно соглашаюсь с лёгким кивком головы, что вызывает у него ещё

большее раздражение — ведь ему совершенно не удаётся меня убедить.

— Ой, да иди ты. И вообще, твоё поведение неприемлемо. Я требую уважения и с твоей стороны. Кем ты себя возомнила?

Ох, эти извечные разговоры — у кого член больше, как они утомляют. Непокорно закатываю глаза, не придавая значения его небольшой истерике, и выдаю всё как есть, ничего не утаивая и не преувеличивая.

— Слушай, это ты позвал меня работать к себе. Никто не напрашивался, так что заканчивай принижать мою значимость и делать вид, будто я приношу меньше пользы, чем хотелось бы. Я намерена со всей серьёзностью отнестись к своим обязанностям и готова поклясться, что не пройдёт и пары месяцев, как твои ребята начнут летать. Даже согласна при парнях быть покладистой и относиться к тебе с уважением, правда, исключительно в том случае, если ты планируешь делать то же самое в ответ. Но...

— Но?! — с презрением фыркает красавчик, комично приподнимая одну тёмную бровь.

— Но вдали от посторонних глаз я не собираюсь лебезить. Хочешь, чтобы тебя уважала — заслужи. А пока... — показательно подмигиваю, сложив пальцы пистолетами. — Я отчаливаю, куколка.

Ухожу, провожаемая долгим пристальным взглядом льдисто-голубых глаз. Но прежде чем закрыть за собой дверь, го-

това поклясться, что слышу, как он мне вслед что-то бормочет, и, кажется, почти различаю скабрёзное «зараза».

Знаю — кому угодно не понравится, если им пренебрегут, но я устала заботиться о чувствах всех подряд. Закалилась и зачерствела с профессиональной точки зрения. В начале своего пути мы все — пустое место и потому равны. От нас зависит, сможем ли мы пробиться дальше, научимся ли бороться или, наоборот, сломаемся под натиском обстоятельств. Что касается меня, я готова снова и снова доказывать себе и всему миру, что крепче алмаза. Такова моя натура — упрямо требующая изо дня в день добиваться поставленных задач. Ведь это единственное, что получается у меня лучше всего.

Глава 7

Кейт:

Умело корректирую наши занятия: вместо двух раз в неделю договариваемся с Майком на три по два часа. Команда слишком не готова, что удручает. Понятия не имею, как они тренируются, чтобы иметь бицепсы размером с мою голову, но толку от них ноль — все необходимые группы мышц будто атрофированы.

Всё своё свободное время провожу за изучением материала. Невероятно, но у меня даже появляется личное время, которое я вольна потратить вообще на что угодно. Поэтому я вспоминаю, как когда-то проходили мои сборы и силовые занятия. Золотое было время.

Стараюсь одёргивать себя каждый раз, когда начинаю мыслить в столь опасном русле, рассуждая словно старушка. Ещё рано списывать себя со счетов. Главное, чему меня научил спорт, — это твёрдость и целеустремлённость, и, клянусь, хоккейная команда тоже усвоит эту непростую истину. Выбор у них есть только в том, каким образом — добровольно или же придётся насильно вбить её в их пустые головы.

На следующий день я полностью подготавливаюсь и обустройстваю пространство под себя. В тренажёрке становится свободнее, а все бесполезные, по моему мнению, снаряды оказываются сваленными в углу. Со злорадной ухмылкой де-

лаю лёгкую разминку, и непонятная игривость усиливается, когда я слышу посторонние шумы где-то там за дверью. Громкие и гулкие шаги постепенно приближаются. Значит, вот они — мои мустанги непокорные.

В зал резко открывается дверь и шумно ударяется о стену, являя целую гурьбу народу. Парни — все без исключения огромные и до красных пятен на лице взбешённые. Первым выступает, естественно, капитан — коротко стриженный амбал Ник Стоун. Он возмущённо складывает перекачанные руки на груди и с упрёком сверлит мою спину глазами, пока я увлечённо натираю ладони мелом.

— Какого чёрта ты вытворяешь?

Не спешу поворачиваться к ним лицом, но когда всё же делаю это, он раздражается ещё яростнее от моей воистину довольной усмешки.

— А что такое, принцесса? Какие-то проблемы?

Он даже пальцы в кулаки сжимает из-за того, что некоторые приятели тихонько посмеиваются позади. Знаю, как работает изнанка: зачинщик всегда один — тот, кто считает себя самым умным и задаёт тон. Достаточно поставить на место его и все остальные подтянутся. Теперь у команды нет сомнений, чья была затея, но самое забавное — другое.

— Так это ты устроила! Если думаешь, малышка, что таким образом тебе удастся подмять всех под себя, то ты глубоко заблуждаешься. Мы в состоянии тренироваться и без университетского инвентаря.

— Ха-ха. Ну, вперёд, — шумно спрыгивая со снаряда, объявляю всем и становлюсь лицом к лицу с Ником.

Бесстрашно упираю руки в бока и, запрокинув голову, в упор смотрю на тупого юнца, уже предвкушая победу.

— Но вот не все, да? Ты и, может быть, ещё пара ребят, у которых имеются обеспеченные родители. Остальные в основном числятся на спортивной стипендии и вряд ли могут позволить себе швыряться деньгами. Удачи тем немногим, кто готов, и продуктивной вам игры! — задорно салютую, разворачиваясь на пятках, но тут же возвращаюсь, будто что-то вспомнила.

— Хотя погоди, ещё остаётся вопрос: надолго ли вы задержитесь?

— Да что ты несёшь, ненормальная?! Ты этими жалкими манипуляциями ничего не добьёшься. Главный тренер...

— Оу, вы вспомнили о тренере, как здорово. А знаешь, можешь не сдерживать свои внутренние порывы. Вперёд, иди к нему — прямо по коридору и налево. Давай, расскажи, как жестоко и несправедливо я поступила. Только вот никто из вас туда не пойдёт, потому что это всё, — говорю, разводя руками, чтобы указать на зал и на себя, — было его распоряжение, которое вы совершенно нагло проигнорировали. Так что... Ах, да! Знаешь, есть ещё один вариант — зачем мелочиться? Можно попробовать настучать на меня самому ректору. Точно! Но... что же вы скажете ему? «Оба наших тренера так хотят, чтобы мы упражнялись и перестали быть лу-

зерами, позорящими весь университет, что заставляют трудиться. Разве нам оно надо?»

Выговариваю эмоционально, даже рот прикрываю от немого шока. Неплохо отыгрываю драму — наверное, поэтому и получила одну из главных ролей в постановке. Но больше всего мне нравится их реакция. Искренняя всепоглощающая ненависть, приправленная крайней степенью безысходности. Очень сильные чувства.

Посредственные участники нашей перебранки косо поглядывают на своего альфа-самца, который почему-то не то роится перечить. Лицо Ника — тот ещё натюрморт. Думаю, приложи ещё хоть каплю усилий — и его зубы раскрошатся. Он молча сверлит меня упрямым взглядом, и тогда уже я взрываюсь, потеряв терпение.

Как можно быть таким твердолобым и ради чего? Теряю всю весёлость и уже всерьёз продолжаю:

— Знаешь, засунь-ка своё ослиное упрямство куда подальше. Если хотите играть и планируете сохранить стипендию, будете подчиняться. Всем всё ясно?

Вместо ответа — лишь гробовая тишина. Выжидаю ещё какое-то время в полном спокойствии, но как же на самом деле хочется кричать в лицо этому на вид беспристрастному парню. Его бы характер — да в мирное русло. Когда кажется, что я проиграла и мне не достучаться, происходит нечто, от чего хочется радостно визжать и восторженно прыгать до потолка.

— Ладно, — сквозь зубы цедит здоровяк и демонстративно роняет свою спортивную сумку на пол.

Ох, слава яйцам — остальные во всём подражают, неспешно расплзаясь по залу. В столь знаменательный момент счастью нет предела. Новый раунд остаётся за мной, но я не демонстрирую в открытую свой триумф и тщательно сдерживаю эмоции глубоко внутри, ведь мы пока только в начале нашего пути и не стоит радоваться раньше времени.

Майк:

Незванные гости становятся для меня полной неожиданностью. Целый консилиум, словно западня, поджидает у дверей кабинета, когда я, совершенно ничего не подозревая, выхожу в коридор. Ректор в окружении секретаря, представителя совета попечителей, врача команды и, о неожиданность, Кая Донована громко дискутируют, хотя скорее скандалят, дружно наседавая на растерянного Пола Роннона. Мужчина с несчастным видом обращается ко мне:

— Мистер Райли. Вы-то как раз нам и нужны!

— О да... — выплёвывает престарелый засранец Донован, даже не соизволив сделать вид, будто рад встрече. Он пренебрежительно кривит рот, всем своим видом показывая, что мы не стоим его внимания.

Ну что за высокомерный козёл?!

— Добрый вечер. А что, собственно, происходит?

Гомон криков с новой силой заполняет коридор.

— Это неправильно...

— Мы должны проявить строгость, нельзя допускать...

— Если вы, мистер Роннон, не способны контролировать свои кадры...

— Прошу вас, ради всего святого, сохраняйте спокойствие! Мы собрались здесь, чтобы уладить случившееся недоразумение. Мистер Янг, уверен, комитету не стоит беспокоиться о выделенных на спортсменов средствах в этом году — результат будет. Это Майк Райли, бывший игрок «Детройт Ред Уингз», и он поставлен старшим тренером команды по хоккею. Это профессионал с блестящей репутацией, который, несомненно, сможет исправить положение...

— Прекрасно. Тогда поясните, пожалуйста, почему к началу игрового сезона ещё не укомплектован штат? — восклицает член комитета — серьёзный мужчина в смокинге и с аккуратными седыми усами.

— Мистер Райли? — выкатив глаза, молит меня о помощи ректор.

Тяжело вздохнув, беру инициативу на себя, подозревая о причинах происходящего.

— Прошу прощения, но у нас всё под контролем. Штат укомплектован — вот бумаги. Как раз нёс их на подписание. Прошу, — протягиваю чёрную папку напрямую Доу Янгу с максимально деловым видом.

Тут вся суета сходит на нет, пока он листает страницы и утвердительно кивает, что страшно возмущает зачинщика

этого балагана.

— Прошу прощения, но, мистер Роннон, как такое возможно? Должность второго тренера вы обещали мне, не так ли? Неужели нашёлся кандидат получше? Насколько нам известно, никто из представленных личностей не имеет должного опыта и сноровки!

Он не обращается конкретно ко мне, даже скорее полностью игнорирует, несмотря на то что именно я имею полное право формировать свой штат сотрудников. Подобное отношение не в первый раз провоцирует непреодолимое желание врезать по нахальной физиономии.

Ещё чего — нашёл блат. Глупец надеялся в обход меня надавить на ректора, большого фаната нашего спорта. Видимо, кичился тем, что когда-то взрастил настоящего победителя в моём лице. Как же! Я скорее добился успеха вопреки всему.

Поскольку у комитета больше нет вопросов, он не принимает участия в споре, разве что слушает. Это главные люди в университете. Достаточно убедить хотя бы кого-то из членов совета — и одного голоса хватит, чтобы место второго тренера оказалось в руках мерзавца. Ну уж нет — только через мой труп. Пока Пол теряется, отвечаю за него:

— О да, вы, безусловно, правы, мистер Донован. Среди прочих претендентов, предоставленных на выбор, вы были самым многообещающим, но у меня нашёлся кандидат получше.

— И кто же, если не секрет? — ужасно притворяясь приветливым, ухмыляется старый наставник, впервые за весь разговор подтверждая моё присутствие.

Отвечаю ничуть не менее вежливо, но одному богу известно, каких усилий мне стоит оставаться беспристрастным:

— Человек со стороны.

От такого непрямого ответа мужчина начинает багроветь. Ему ненавистна сама мысль, что я не признаю его авторитет, особенно после стольких лет тотального контроля и давления с его стороны. На секунду под привычным разъярённым взглядом я всё же превращаюсь в тринадцатилетнего мальчишку, у которого сердце подпрыгивает к горлу, а нутро холодеет от очевидного недовольства тренера, но быстро справляюсь с собой.

Он больше мне ничего не сделает. Никому не сделает. Не сможет.

— Ах, вот как?!

— Да, мистер Райли. Поясните, пожалуйста, — наконец очнувшись от замешательства, решает высказаться ректор.

Эта новость для всех — большой сюрприз. Искреннее недоумение скользит по морщинистому лицу, и четыре пары глаз впиваются в меня. Засада — не хотел же раньше времени раскрывать карты. К тому же ситуация с Кейт непростая: насколько известно, у неё с парнями из команды не всё гладко. Успели ли они достичь взаимопонимания за предостав-

ленный им короткий срок? Сильно сомневаюсь.

— И?

— Кейт Танон. У неё есть определённый опыт...

Громогласный, каркающий хохот обрывает любые пояснения. Донован запрокидывает голову и смеётся над моими словами в очередной попытке подорвать авторитет перед влиятельными людьми.

— Поверить не могу. Майки, мальчик мой, ты вообще в курсе, что не все представители фамилии Танон имеют отношение к хоккею? Мистер Роннон, вы его слышите? Парень совсем ещё юный и, по всей видимости, не осознаёт возложенную на него ответственность. Вам нужен хотя бы один взрослый человек, понимающий толк в подобном деле.

Вот же ублюдок. Не будь здесь всех этих людей, я бы уже давно сорвался. Но не могу — в противном случае лишний раз подтверждаю его слова о моей незрелости. Чтобы не терять лицо, спокойно выдыхаю скопившуюся злость, прежде чем озвучить другие аргументы, но мне даже рта раскрыть не дают.

— Если всё действительно так... — подаёт голос Янг, бросив недобрый взгляд на ректора, но Донован снова бессовестно перебивает.

— Так, и я в этом уверен почти на сто процентов. Если хотите доказательств, предлагаю посетить одно из подобных занятий. Судя по расписанию, сейчас как раз время силовой тренировки. Ну что, Майк, если мы пойдём в тренажёрный

зал, то однозначно увидим усиленную подготовку, не так ли?

Столько сарказма, что мне приходится сжимать руки в кулаки и прятать их за спину. Странно, как у меня хватает выдержки не превращаться в разъярённого пса на цепи.

Сукин сын хочет взять меня на слабо. Но почему? Откуда такая уверенность, что всё пройдёт гладко? Неужели он посмел наведываться сюда и каким-то образом остался без моего внимания? Вот же... Он видел — скорее всего на прошлом занятии, когда вся команда демонстративно проигнорировала правки в их распорядке. Арена свободна для посещения — кто угодно с улицы может прийти и полюбоваться на тренировку любимой команды. Знаю, этот упырь частенько так делает. Наблюдает и терпеливо выжидает момент, скрываясь в тени, пока не придёт время предъявить решающий аргумент.

— Почему нет? Куча сил и средств уже вложено в успехи команды, не правда ли, господа? Хотелось бы убедиться, есть ли результат, — поддерживает его предложение мистер Янг.

Чёрт, чёрт. Если воспротивлюсь, все сразу решат, что я не справляюсь. Но что, если они увидят? Донован будто получает удовольствие от одного моего растерянного вида. С трудом гашу в себе адское пламя жгучего гнева. Не понимаю, как один несносный человек умудряется доставлять столько проблем, даже когда мы не работаем вместе. Почему именно я? Откуда в нём эта фанатичная потребность сломать мне жизнь? За столько лет... Семь, семь грёбаных лет наших с

ним каждодневных тренировок и все мои успехи он присвоил себе.

Помню наш последний разговор с ним — ни за что его не забуду. Сразу перед тем, как меня взяли играть в Детройт, бывший инструктор вопил, уверяя, что я должен отказаться от контракта, потому что слишком зелёный. Мне оставалось доучиться год, и ещё целый год ублюдок планировал доить меня, пока я вывозил бы все игры, делая ему и спортшколе, в которой учился, репутацию. Тогда я впервые открыто воспротивился, восстал всем своим естеством, и мы страшно поругались. Мужчина настаивал, будто мной манипулируют и без его участия никаких значимых результатов ожидать не следует. Но как бы не так! Никогда не пожалею о своевременном решении бросить всё и уехать. И теперь этот злосчастный призрак прошлой жизни пытается разрушить новую, которая едва начала обретать стабильность.

Не без усилий прикусываю язык и молча сверлю недовольным взглядом Донована, пока остальные участники направляются в зал для силовых тренировок. Плетусь следом, судорожно соображая, что говорить в случае необходимости. Я готов на всё, лишь бы престарелый мерзавец не добился желаемого, но Кейт... Я не чувствую уверенности в ней, не могу на неё положиться.

Вот дерьмо.

Прежде чем ректор успевает войти в зал, вырастаю перед ним, преграждая путь:

— Предупреждаю, сезон недавно начался, и мы ещё не полностью отладили процесс. Многие ребята со старших курсов, и не всегда...

Дверь открывается, и я сам поверить не могу в то, что вижу. Вся команда в сборе и усердно трудится — даже великолепная пятёрка наглых старшекурсников, с которой мне-то с трудом удаётся справляться.

В помещении царит напряжённая деятельность, всюду разносятся лязг металла и тяжёлые, шумные выдохи, но при всём при этом громкий командный голос девушки перекрывает любые посторонние звуки. Кейт деловито вышагивает между рядами снарядов и считает, успевая наставлять парней по мере необходимости и поправлять их положение.

Ещё ни разу прежде я не испытывал подобного облегчения. Казалось, что совсем немного — и я с треском проваляюсь. Но нет. Внезапно пронзительные голубые глаза тревожно устремляются в мою сторону, и в них отчётливо читается немой вопрос.

Кейт:

В чём дело? Зачем все эти люди? Что за открытый урок?

С упрёком перевожу взгляд на назойливого паршивца Райли в тщетной попытке разобраться, что за подстава, но следующая его реплика...

— Вот, прошу, можете полюбоваться. Вы, парни, продолжайте. Мы не будем вас отвлекать.

Столько гостей: ректор, доктор в коротеньком халатике, ещё и двое престарелых мужчин. Один — с забавными усами, другой — заплывший жиром коротышка с тонкими слюнявыми губами, но в спортивном костюме.

— Слышали? Не отвлекаться! — рявкаю напоследок, а сама, сгорая от любопытства, иду им навстречу, пока не становлюсь плечом к плечу с Майком. Если это его рук дело — клянусь, поганцу конец.

— Добрый вечер. Чем обязаны таким именитым гостям? — мило кокетничаю с ректором, прекрасно понимая, насколько тот от меня в восторге.

Чертовски преданный фанат отца. По сути, чужой мне человек, но с бесконечно огромным сердцем. Узнав, что я хочу поступать в его университет, он самолично провёл собеседование, после которого великодушно прислал приглашения на все направления. Пусть даже поведение показалось странным, но я слишком сильно хотела сбежать из Лос-Анджелеса и потому моментально согласилась. До сих пор не знаю, чем объяснить такую фанатичную любовь. Думаю, он в глубине души просто страстно желает иметь дочь, похожую на меня.

Лицо Пола тут же проясняется, и он улыбается во все тридцать два.

— Кейт, девочка моя! Рад, что ты нашла применение своим многочисленным талантам. Вот, полюбуйте, господа. Как и обещал нам мистер Райли, у него всё под контролем.

Пообещал — значит, проверка не его рук дело, что радует. Но очередная отсылка к моему отцу грозит вывести меня из себя.

— О, да, — ядовито выдавливаю с притворной весёлостью. — Кому как не мне показывать свою преданность этому великому виду спорта?

На последнем слове прикусываю язычок, когда мёртвая хватка цепких рук Майка сдавливает мой локоть. Он слишком близко, из-за чего никто не замечает, что он пытается оставить на мне синяки. Со стороны мы выглядим как добрые приятели и единомышленники.

— Подтверждаю, у нас действительно всё под контролем: расписание тренировок, общие нагрузки и даже диета.

Чересчур болезненно. На последнем слове с силой дёргаюсь, умело делая вид, будто ничего не происходит. Продолжаю невинно улыбаться проверяющим, но всё же вырываюсь, чтобы развернуться и крикнуть:

— Стоун, не халтурь!

— Прекрасно, — заключает усаж, и я строю ему глазки, что помогает растопить ещё одно сердце.

Особый навык давно доведён мною до совершенства. Стоя на льду, ты должна быть безукоризненна. Больно тебе, грустно или тяжело — никого не волнует. Судьям неприятно наблюдать кислую мину, поэтому постарайся выглядеть счастливой и довольной.

— Но подождите! — визгливо возникает рыхлый толстяк,

и тут же вся магия рушится, а любая мало-мальская доброжелательность улетучивается.

Почему мне кажется, что от него стоит ждать беды? Невысокий, неприятный на вид мужчина. Ростом даже меньше моего, с чрезмерно полной, заплывшей шеей и маленькими, злыми глазками, которые слишком пристально и назойливо изучают меня, будто прилипая.

— Какой абсурд. Эта парочка псевдопрофессионалов слишком неопытна. Что девочка способна дать хоккеистам? Да, её отец — легенда, но она же занималась всю жизнь совсем другим. Как может подобный человек разбираться в настолько жёсткой спортивной дисциплине?

— Эй, я в отличной форме и с любым коньковым спортом на «ты». Тем более что мис-стер Райли будет обучать парней всем тонкостям и нюансам на льду. Моя работа заключается в том, чтобы улучшить физическую подготовку команды и укрепить мышечный каркас.

Возмущаюсь, с трудом выговаривая фамилию Майка, еле ворочая языком — так непривычно она звучит из моих уст.

— Ой, умоляю, девушка, откуда вам вообще может быть известно о необходимых им навыках? В отличие от фигурного катания, хоккей — грубый и травматичный спорт. Нежным особам вроде вас не понять, что значит каждый раз быть на грани и рисковать ради победы всем, даже иной раз здоровьем. Да, Майки?

Да, Майки? Судя по разъярённому выражению лица Рай-

ли, они хорошо знакомы, и если бы взглядом можно было убивать, то в помещении сразу стало бы одним визитёром меньше. У ребят, похоже, есть какая-то личная история, и я не уверена, что хочу вникать. Но то, что он ничего не говорит против и не опровергает эту глупую теорию, ранит не хуже, чем удар под дых.

Ах, вот как! Неужели снова придётся доказывать, что перед ними не полный профан в своём деле?

— Считаете, я недостаточно хороша? Мало знаю о травмах и опасных трюках? Это вы даже не представляете, какими возможностями обладает человеческое тело при наличии должных навыков и при отсутствии в голове внутренних барьеров, — дерзко перечу наглецу, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, и шагаю к бревну.

— Не стоит устраивать сцены. Никто не оспаривает ничей опыт или убеждения. Да ведь, мистер Донован? — предпринимает попытку уладить ещё не разгоревшийся конфликт ректор, но у него вяло выходит.

Нет, всё именно так. Легко завладеваю всеобщим вниманием, запрыгивая на снаряд — пусть смотрят.

— Тогда как насчёт сальто назад? Элемент, за который мне сняли два очка на Олимпиаде в две тысячи четырнадцатом году, — тем не менее наша страна взяла золото. Вам, безусловно, известно, насколько сложен данный трюк, если вы такой уж профессионал, каким хотите казаться. И сколько групп мышц задействовано во время прыжка, верно?

— О нет, мистер Роннон, умоляю, прекратите демонстрацию. Это очень опасно, немедленно! — взвизгивает врач, по видимому, не такая глупая, как могло показаться на первый взгляд.

Ректор взволнованно возмущается, но меня уже невозможно остановить. Я становлюсь в стойку для исполнения запрещённого Международным союзом элемента.

— Не смейте, мисс Танон, или я вызываю скорую!

— Вызывайте, — упрямо поддакиваю ей и начинаю разбег, затем толчок.

Прыжок получается не самым чистым, и наблюдатели будто издают судорожный вздох от волнения.

Давно подобного не вытворяла — да я и не гимнастка совсем, — но не сомневаюсь в себе. Пускай и приземляюсь на колени, утопая в матах, но манёвр всё же завершаю с самой горделивой на свете ухмылкой. На соревнованиях эту фигуру бы не засчитали, но я ведь ни с кем и не соревнуюсь, правильно? Стреляю глазками сначала на сердитую блондиночку, которая продолжает держаться за сердце, потом на зазнавшегося засранца в спортивном костюме, напоминающего паровоз. Из ушей чуть ли дым не валит.

Плохо соображаю от переизбытка адреналина, чтобы быстро сориентироваться, поэтому первым ко мне подлетает Райли. Он рычит мне в лицо и резко поднимает.

— Какого чёрта ты творишь?

— Да что такого? Кто-то же должен был опровергнуть его

слова, и пока ты стоял как наказанный школьник, я спасала положение. Посмотри — они все всё поняли, — тихо шепчу, указывая подбородком на комиссию.

Всё действительно так: усач раздражён необходимостью находиться здесь и тратить своё драгоценное время на наш нелепый спектакль. Спортивный врач встревожена и рассержена, поэтому просит поскорее закончить показательные выступления и уже оставить ребят спокойно заниматься, а перепуганный ректор пытается всех немедленно усмирить. В том числе Райли, балансирующего на грани того, чтобы прибить меня.

— Достаточно. Я считаю, мы всё выяснили. Пускай тренируются.

— Да, уже по результатам матчей будем судить их работу. А пока, мистер Роннон, у меня будет к вам ещё пара вопросов касательно распределения бюджета...

— Нет, но постойте! — пытается ещё как-то возмущаться толстяк, но про него все быстро забывают, поэтому он накидывается на меня.

— Учтите, юная леди, это вовсе не показатель, — шипит, будто я стала главным препятствием на его пути.

— Тогда что — показатель? Чем мне ещё убедить незнакомца, который, судя по всему, не имеет никакого отношения к этому учебному заведению? Выбирайте любое другое упражнение — уверена, справлюсь ничуть не хуже.

— Не надо хамить. Я четверть века тренирую таких, как

ты, маленьких выскочек, ничего не смыслящих в реальной жизни. Самому обладать этими умениями вовсе не обязательно.

— Ой ли?! — упорно стою на своём и, отмахнувшись от Майка, уверенно встаю напротив мерзавца, сложив руки на груди. — Я не просто теоретик, в отличие от некоторых, и с практикой более чем знакома. Так что засу...

— Прошу прощения, что влезаю, но я уверен в блестящих результатах команды в том случае, если тренировать её будет наш, пускай ещё совсем юный, по словам мистера Донована, состав.

Тоже мне миротворец. Где были его сладкие речи пять минут назад? Райли вежлив и обаятелен, поэтому все поголовно соглашались с ним.

— А вам, мистер, скажу то же, что и несколько лет назад. Я в ваших услугах не нуждаюсь.

Как пылко. Не думала, что наш парень способен на эмоции — просто дух захватывает. Этим и ограничиваемся. Гости покидают нас, а ректор в последний раз окидывает меня притворно строгим взглядом. Выходим следом, чтобы проводить, и как только остаёмся наедине с Майком, он сбрасывает с себя маску учтивости.

— Какого дьявола ты творишь?!

Печально, а я так надеялась, что истерик не будет.

— А что я сделала?

— Зачем рот открыла? Я бы всё сам уладил!

— Уладил? О боги, откуда тебе вообще было знать, что у меня получилось уговорить команду заниматься? Это подстава, Райли! Что за незапланированная демонстрация?!

Ответная атака его будто и не смущает вовсе. Нависнув надо мной, спесивый мужик ещё больше вспыхивает, вытаращив свои пронзительно синие глаза.

— Не переоценивай себя.

— А ты не бери на себя слишком много.

— Господи, да включай уже голову хоть иногда. А если бы ты пострадала у них на глазах, меня бы в порошок стёрли. Только о себе думаешь, потому и красовалась. Одно дело — вести себя как идиотка наедине, и совершенно другое — подвергать мою репутацию риску перед университетской верхушкой. Хватит! Прекращай ставить палки в колёса и начни уже помогать, или я и от тебя избавлюсь!

Злобно кричит, после чего уходит, напоследок ощутимо задевая плечом, а я остаюсь стоять, ошеломлённая чудовищной несправедливостью.

Глава 8

Кейт:

Он не прав — пытаюсь убедить себя, но не могу.

Несмотря ни на что, эта изящная скотина заступился за меня. Как позже сообщил ректор, пригласив к себе в кабинет, Райли горой стоял за нового взятого им человека. Только спустя некоторое время выяснилось, о ком шла речь. Под конец мистер Роннон пожелал нам всем удачи и дал полную свободу действий, пообещав, что больше не побеспокоит.

И что дальше? Понятия не имею, как относиться к Майку. Ненавидеть дурака легко, но он совсем не так прост. Почему я оказалась ему настолько необходимой, что он даже осмелился перечить воле совета попечителей и поставить под сомнение свою репутацию, лишь бы доказать мою значимость?

Когда от пустых раздумий начинает болеть голова, я просто забиваю и полностью отдаюсь процессу. Отношусь к поставленной задаче со всей серьёзностью, но мне трудно. Очень.

Единственное, в чём я точно полный лузер, — это в выстраивании партнёрских отношений. После пережитого против воли воспринимаю каждого как противника, не готовая в полной мере довериться. Судьба со мной жестоко. В прошлом не удалось сработаться всего с одним парнем, а теперь я должна наладить контакт с двадцатью. Они не уважают

меня, их глупый протест перерастает во что-то совершенно нелепое. В основном мы одного возраста, и, думаю, поэтому им трудно воспринимать меня как главную. Но Райли ведь удаётся держать в страхе всю хоккейную шпану, хотя он едва ли взрослее.

Эти идиоты пусть и следуют после моих угроз режиму, но о профессиональной этике можно забыть. Не проходит и занятия, чтобы кто-то из переполненных гормонами амбаров не предложил мне посидеть у него на коленях или не попросил продемонстрировать упражнение самой, чтобы насладиться зрелищем и отпускать пошлые комментарии. Ещё их вечная шуточка: чья очередь провожать меня. Без стеснения, раз за разом, резко пресекаю каждую выходку, стойко перенося унижение.

Жаловаться, конечно, ни за что не стану, но мне это уже порядком надоедает. Из всего радует только то, что Эрик всегда рядом и при необходимости поддерживает взглядом или едким словом.

И вот в очередной раз:

— Эй, Кейт? — после нашей усиленной тренировки зовёт парень. Мы с ним частенько встречаемся на общих парах.

Лиам Келли с финансового уже вторую тренировку опаздывает и, видимо, по этому поводу хочет поговорить. Симпатичный, в отличие от большинства, не пытается демонстративно исторгать флюиды в мою сторону. Брюнет с аккуратной бородкой и хорошими манерами — видимо, поэто-

му завидный самец. Знаю, ведь Хитон и Эрик все уши про него прожужжали на прошлой неделе, когда рассказывали, как ходили на вечеринку братства. Оказывается, мои бугаи там без усталости купались в лучах славы и внимании девчонок. Но вот с чего бы? Первые два матча в сезоне проиграны. Если так пойдёт и дальше, то меня попрут. А я не хочу терять столь тёплое местечко.

К сожалению, не успеваю подойти к парню, как уже голый по пояс Стоун наваливается мне на плечи, приобнимая.

— Отвали, Келли. Получишь её по старшинству.

После чего, прижав к своей голой и местами волосатой груди, томно шепчет на ухо:

— Может, сходим вместе в душ, а, Танон?

С отвращением упираю ладонь ему в лицо и резко отстраняю от себя.

Он весь смердит, и от одного его вида меня выворачивает.

— Ещё чего. Попросишь потом Райли с тобой сходить.

На нас смотрят и хохочут, воспринимая всё как забавную игру. Но не успеваю отделаться от наглеца и отвернуться, как тот хватает меня за бёдра и прижимается сзади.

— Хэй! — громогласно восклицает знакомый всем нам голос старшего тренера, и всё веселье быстро сходит на нет.

Ник миготом от меня шарахается, а я, почему-то смущаясь и стушевавшись, чувствую, как вспыхивают щёки.

— Какого чёрта, Стоун? Тебе было мало лекций о правилах поведения? Усмири то, что у тебя между ног, пока я не

принял меры.

Майк, злой, как Цербер, даже без острой на то необходимости всё время орёт и постоянно пребывает в напряжении. За две недели, что мы работаем вместе, нам так и не удалось сблизиться или хотя бы что-то разузнать друг о друге. Мужик предпочитает держать дистанцию со всеми без исключения, не лезет в мои занятия, редко даже присутствует на них. Подмечаю за ним только то, что он допоздна засиживается у себя в кабинете и уходит последним.

— Я ничего, это шутка.

— Как же ты надоел уже! Да с чего ты взял вообще... — давится возмущением Райли, стремительно приблизившись к Нику.

Я не фанатка нашего капитана, но сейчас мне его немного жаль.

— Ты представляешь, насколько мерзок? Имей в виду: в НХЛ не берут таких озабоченных придурков — руководствуются тем, что не смогут отбиться от исков по сексуальным домогательствам. Научись уже справляться со своими позывами, мальчик!

— Мальчик?!

Похоже, беды не миновать. Благоразумно отхожу в сторону, но тут Майк резко хватает меня за руку и притягивает к ним.

— Именно. Думаешь, ей было смешно?

— Эй, ну не все же такие узколобые. Может, вам трудно

представить, но у кого-то есть чувство юмора. Да и откуда вам знать, какие игроки нужны в НХЛ? Вы уже давно покинули их ряды. Тоже мне, бывалый.

Подлый словесный удар Стоуна направлен ниже пояса и попадает прямо в цель. Одно дело — обмениваться любезностями наедине, и совсем другое — при полной посадке зрителей. Райли шумно хмыкает, выдыхая возмущение. Его острые желваки ходуном ходят. Интуитивно чувствую, что он вот-вот взорвётся, и испуганно повисаю на локте, пискляво подавая голос:

— Майк...

— Вон!

— Что?! — насмешливо шепчет парень, но вся его хвалёная бравада быстро покидает.

— Я сказал, пошёл вон. Ты больше не в команде и на лёд не выйдешь, пока я здесь заправляю, — злобно шипит Райли, напоминая того мерзкого толстяка, который, оказывается, претендовал на моё место.

Новость потрясает, выбивая почву из-под ног. Поверить не могу и, видимо, не одна я. Ник — лучший игрок в команде. Каким бы он ни был засранцем, боюсь, без него мы сезон не сыграем. Как можно? Это самоубийство. Но старший тренер будто бы ожидал подобного, потому что подстраховался, взяв на одного игрока больше. Даже Стоун, похоже, пока до конца не осознаёт, насколько встрял, и до последнего на его губах играет дежурная ухмылка.

— Да плевать. Сами потом прибежите упрашивать вернуться, — обиженно бросает уже бывший капитан и идёт собирать свои вещи, поспешно закидывая их в сумку.

В раздевалке царит гробовая тишина. Никто не решает-ся не то что двинуться, даже вздохнуть, пока великолепный Майк в напряжении ожидает ухода своего игрока. Ник демонстративно бросает небрежное «оривидерчи» и беззаботно скрывается за дверью.

Во все глаза пялюсь на Райли, продолжающего удерживать меня, словно якорь. Хочется кричать, но, чтобы избежать ещё одного публичного скандала и не продолжать глупый спектакль, тихо говорю:

— Можно тебя на пару слов?

И больше тащу его за собой, чем жду, что он пойдёт сам. Оказавшись в тесном коридоре, гневно толкаю истеричного придурка в грудь.

— Ты псих, что ли? Чё творишь? Что нам теперь делать вообще?

— Ну, например, поменьше ошиваться в мужских раздевалках! Какого хрена ты там забыла? Или нравится, когда тебя трогают при всех?

Жестоко. Как он может?

— Это ещё что за новости?! Не твоего ума дело, что я делаю и с кем, во-первых. Во-вторых, я не нуждаюсь в твоей помощи. Сама справлюсь, если потребуется. Между прочим, я такой же тренер, как и вы, мистер, потому и проводи-

ла брифинг с каждым из них, пока кое-кто не влез.

— Ты ещё не тренер, поэтому права качай где-нибудь в другом месте, а с парнями из команды даже не смей крутить. Я требую от них дисциплины, а ты, в свою очередь, будто бы всеми силами пытаешься посеять раздор. Мне это надоело!

Вот, значит, как: по его мнению, камнем преткновения и причиной всех неудач являюсь я. Не знаю почему, но выброшенные в порыве гнева слова сильно ранят. Смутившись, устремляю стеклянный взгляд мимо него.

— О, давай ещё расплачься. Я всё сказал.

Странно себя чувствую. Впервые в жизни — одновременно защищённой и отчаянно несчастной.

С того злополучного дня всё меняется — и не только у нас с Майком, но и общее настроение в команде. Как ни странно, дисциплина улучшается, и парни начинают трудиться с утроенной силой. Берусь за них основательно, стараясь каждому уделять время и следить за успехами, но тренировки на льду не посещаю, настырно игнорируя их наставника.

Дважды в выходные я хожу вместе с Эриком на студенческие вечеринки в братстве, чтобы разогнать сорванцов, и слежу, словно мамочка, чтобы им в рот не попало ни капли спиртного. Не знаю, но кажется, мы становимся ближе. Поэтому всё более частые прогулы Лиамы меня беспокоят. Даже сейчас, сидя в одном ряду с запасными на третьем в сезоне матче, отвлекаюсь от чтения маленькой книжечки с

правилами и посматриваю в его сторону. Он какой-то чересчур уставший, еле ноги передвигает, словно сонная муха, в результате отсиживается пол-игры.

Вместо того чтобы следить за игрой, я думаю о нём. Точнее, о слухах, которые ходят, что его подружка из группы поддержки якобы залетела. Та открыто хвастается, уверяя, будто он без ума от неё и отныне целиком принадлежит ей. Что угодно сделает — только намекни. Застолбила по полной. Хотя раньше наш герой-любownik не отличался чрезмерной моногамией, гуляя налево и направо. Встрял, короче.

— Дьявол! — громко бьёт ладонью по бортику хоккейного щитка разгорячённый Райли и нервно забрасывает руки за голову, судорожно вороша волосы.

Мы на домашнем поле, но на зрительских трибунах почти никого, а наш противник «Сэт-Энтони».

— Сид, хватит спать на ходу, следи за шайбой!

Он нервный, к чему я уже успела привыкнуть, потому даже не вздрагиваю. Думаю, моё отрешённое спокойствие его ещё больше нервирует.

— Успокойся, это только первый тайм, и у нас ничья — 2:2.

Резко развернувшись, Майк поджимает губы, после чего начинает их кусать и грозно смотреть на меня. Ненавижу, когда он так делает, потому что с каждым разом всё труднее перестать пялиться, поэтому предпочитаю вообще не смот-

реть.

— Ну, во-первых, ничья — это значит никакого преимущества. Во-вторых, в хоккее нет таймов, а есть периоды. Будь добра, читай внимательнее и поменьше глазей по сторонам.

Да как он это делает? Не выдержав, сердито опускаю книгу и возмущённо воззреваю на него. Мерзавец, похоже, решает воспользоваться моей же тактикой и, усевшись рядом на соседнее место, игнорирует мой взгляд.

Иногда поражает, насколько внешний облик может не совпадать с внутренними качествами человека. Беззастенчиво разглядывая, впитываю в себя резкие линии холодного, совершенного профиля. Тонкий нос с небольшой горбинкой, идеально твёрдая линия челюсти, острый подбородок и желваки, которые продолжают ходить. Он — сволочь и выглядит соответствующе, но день ото дня играть в ненависть всё сложнее, потому что Райли невероятно талантлив. Даже мне, профану в этом виде спорта, виден прогресс команды.

Майк живёт хоккеем, и когда он делится с командой разными тонкостями, показывает, как точнее выполнять броски или особые передачи, — в эти моменты он особенно прекрасен. Я встречала много талантливых спортсменов — обычно они высокомерные и самовлюблённые, но не Майк. Ну, по крайней мере, не когда преподаёт. Он интересно и понятно объясняет, вечно придумывает новые способы формата занятий, чем сильно увлекает игроков. Ребята постепенно начинают смотреть на него как на бога. И его идиотская осо-

бенность — воспринимать всё слишком близко к сердцу...

Парню не наплевать, усвоили они или нет. У него хватает терпения раз за разом повторять, пока каждый не сможет сделать необходимое упражнение. Его непреодолимая любовь к своему делу заразительна, поэтому результат налицо.

Противник в полнейшем раздрае: они не ожидали от нас подобного натиска и с трудом справляются. Никто не верил, что «Мичиганские Спартанцы» вообще на что-то способны. За последние пару лет команда университета ни разу не участвовала в отборе на региональном чемпионате Среднего Запада, однако теперь, благодаря Майку, положение дел кардинально поменялось.

В подтверждение моих мыслей по арене разносится громкий звук сигнала, оповещающего о ещё одной шайбе, влетевшей в ворота. 3:2 — мы наконец-то ведём в счёте. Впервые нервно дёргаюсь, когда Райли подрывается и, подлетев к бортику, что-то кричит судье о смене игроков.

Только когда он отходит, я вспоминаю, где нахожусь, и отмираю. Несмотря на то что Майк самый настоящий засранец, для меня честь работать с ним. То, что он умен и требователен, — его главный плюс. С ним не соскучишься, да и лёгких путей я не ищу.

Глава 9

Кейт:

Мы побеждаем — даже не верится. Весь университет ликует вместе с нами, но мы не расслабляемся. После первого выигрыша даже Майк немного смягчается, и тренировки принимают более упорядоченный характер. Мне нравятся перемены: я будто ненадолго возвращаюсь в прошлое, когда могла целенаправленно к чему-то стремиться. График становится плотнее в связи с грядущей игрой. Мичиганское противостояние века — из года в год проводится «Холодная война» на стадионе «Спартан».

Будем играть на домашнем поле. Росомахи против Спартанцев. Непрерывная борьба за звание сильнейшей команды длится уже больше двадцати лет, и мы постоянно уступаем Мичиганскому университету из Анн-Арбора. Но эти ребята непобедимы. Они два года подряд не только в сухую раскатывали наших спортсменов, но и становились лучшими в своём дивизионе. Действующие трёхкратные национальные чемпионы, и первым пунктом каждой их сезонной победы является святая обязанность — разбить в пух и прах нашу команду.

Честно говоря, успехи парней впечатляют, но беспокойство остаётся, как и у Райли. Скорее всего, именно поэтому он отныне не оставляет ребят без внимания, присутствуя в

том числе и на моих занятиях. Я же готовлю их так, будто им придётся взять золото на Олимпиаде. Никаких больше тяжестей — учу работать исключительно со своим весом и целенаправленно усиливать ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.